

ISSN 2218-2926

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ**

**ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.Н. КАРАЗИНА**

КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС

Направление “Филология”

№ 4

Международный электронный сборник научных трудов

Основан в 2010 г.

**Харьков
2012**

В статьях этого международного научного сборника рассматриваются актуальные вопросы лингвистики в медиальном пространстве: семантики, прагматики, когнитивистики и дискурсологии на материале славянских, германских и романских языков.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

Утверждено решением Ученого совета

Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

(протокол № 13 от 28 декабря 2011 г.)

Редакторы:

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

В.И. Карасик, докт. филол. наук (Волгоградский государственный педагогический университет, Россия)

Редакционная коллегия:

А.Д. Белова, докт. филол. наук (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина)

Л.Р. Безуглая, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

В.И. Говердовский, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

С.А. Жаботинская, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)

Е.А. Карпиловская, докт. филол. наук (Институт украинского языка Национальной академии наук Украины, Украина)

Г. Коллер, доктор филологии (университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия)

Г.Н. Манаенко, докт. филол. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, Россия)

А.П. Мартынюк, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Л.М. Минкин, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина)

С.А. Моисеева, докт. филол. наук (Белгородский государственный университет, Россия)

Е.И. Морозова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

В.Г. Пасынок, докт. пед. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Л.С. Пихтовникова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

А.Н. Приходько, докт. филол. наук (Запорожский государственный университет, Украина)

В.А. Самохина, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Е.А. Селиванова, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)

Г.Г. Слышкин, докт. филол. наук (Волгоградский филиал Российского государственного торгово-экономического университета, Россия)

Л.В. Солощук, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

В.Е. Чернявская, докт. филол. наук (Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Россия)

Ответственный секретарь:

Е.В. Бондаренко, канд. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61022, г. Харьков, пл. Свободы, 4

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Факультет иностранных языков

Тел.: (057) 707-51-44

ishev7@gmail.com

Интернет-страница журнала: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст дается в авторской редакции

Все статьи рецензированы

Выпускается ежегодно

**МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені В.Н. КАРАЗІНА**

КОГНІЦІЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Напрямок “Філологія”

№ 4

Міжнародний електронний збірник наукових праць

Започаткований у 2010 р.

**Харків
2012**

У статтях цього міжнародного наукового збірника розглядаються актуальні питання лінгвістики у медіальному просторі: семантики, прагматики, когнітивістики та дискурсології на матеріалі слов'янських, германських і романських мов.

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів та магістрантів.

Затверджено рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
(протокол № 13 від 28 грудня 2011 р.)

Редактори:

І.С. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет, Росія)

Редакційна колегія:

А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)
Л.Р. Безугла, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.І. Говердовський, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
С.А. Жаботинська, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук (Інститут української мови Національної академії наук України, Україна)
Г. Коллер, доктор філології (університет імені Фрідріха Александра, м. Ерланген-Нюрнберг, Німеччина)
Г.М. Манаєнко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)
А.П. Мартинюк, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
Л.М. Мінкін, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
С.А. Моїсєєва, докт. філол. наук (Белгородський державний університет, Росія)
О.І. Морозова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
Л.С. Піхтовнікова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
А.М. Приходько, докт. філол. наук (Запорізький державний університет, Україна)
В.О. Самохіна, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
О.О. Селіванова, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
Г.Г. Слишкін, докт. філол. наук (Волгоградська філія Російського державного торговельно-економічного університету, Росія)
Л.В. Солощук, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.Є. Чернявська, докт. філол. наук (Санкт-Петербурзький державний університет економіки та фінансів, Росія)

Відповідальний секретар:

Є.В. Бондаренко, канд. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, м. Харків, пл. Свободи, 4
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна
Факультет іноземних мов
Тел.: (057) 707-51-44
ishev7@gmail.com

Інтернет-сторінка журналу: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст подано в авторській редакції

Усі статті рецензовані

Видається щорічно

СОДЕРЖАНИЕ

Л.Р. Безуглая ПОНЯТИЯ «ЗНАЧЕНИЕ» И «СМЫСЛ» В ПРАГМАЛИНГВИСТИКЕ.....	6
Л.Р. Дускаева ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В ПРЕССЕ: АСПЕКТ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ	24
С.Г. Корконосенко ЦЕННОСТЬ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ДЛЯ МЕДИАПРОФЕССИОНАЛА (по материалам экспертного интервью).....	42
Е.Н. Молодыченко POLITICAL MYTH AND PHANTOM ENEMY	56
В.Е. Чернявская ЛИНГВИСТИКА В МЕДИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА	63
Ю.Ю. Шамаева ИНТЕРСЕМИОТИКА ПОЗИТИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	72
С.А. Швачко СТАТУС ЛАКУН В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ	82
Редакторы, редакционная коллегия	89
Рекомендации авторам статей	92

УДК 811.112.2'42

**ПОНЯТИЯ «ЗНАЧЕНИЕ» И «СМЫСЛ»
 В ПРАГМАЛИНГВИСТИКЕ**
Л.Р. Безуглая, доктор филол. наук (Харьков)

Л.Р. Безуглая. Понятия «значение» и «смысл» в прагмалингвистике. В статье систематизируются трактовки понятий «значение» и «смысл» в лингвистике. Делается вывод, что прагмалингвистика изучает смыслы высказываний и речевых актов. Речеактовый смысл может быть выражен эксплицитно и имплицитно. Имплицитные речеактовые смыслы представлены конвенционализированными и имплицитивными.

Ключевые слова: значение, имплицитный, прагмалингвистика, речевой акт, смысл.

Л.Р. Безугла. Поняття «значення» і «смысл» у прагмалінгвістиці. У статті систематизуються тлумачення понять «значення» і «смысл» у лінгвістиці. Робиться висновок, що прагмалінгвістика вивчає смисли висловлень і мовленнєвих актів. Мовленнєвоактовий смисл може бути вираженим експліцитно й імпліцитно. Імпліцитні мовленнєвоактові смисли розподіляються на конвенціоналізовані й імплікативні.

Ключові слова: значення, імпліцитний, прагмалінгвістика, мовленнєвий акт, смисл.

Bezugla L.R. “Meaning” and “sense” in linguistic pragmatics. This paper systematizes various interpretations of the concepts “meaning” and “sense” in linguistic pragmatics. I argue that linguistic pragmatics deals with senses of utterances and speech acts. The speech act sense can be expressed explicitly and implicitly. Implicit speech act senses are divided into conventionalized and implicative ones.

Key words: implicit, linguistic pragmatics, meaning, sense, speech act.

Значение (*meaning, Bedeutung*) принадлежит к основополагающим понятиям языкознания, вызывающим полемику и постоянно находящимися в центре внимания исследователей. В работах, посвященных «значению ‘значения’» [Звегинцев 1962; Лайонз 2003: 19ff, 55ff], подчеркивается разнообразие толкований, приписываемых термину ‘значение’, что зависит от исходных теоретических позиций и методологии анализа. В.А. Звегинцев [1962: 10] назвал разработку проблемы значения «борьбой за значение», имея в виду только структуралистские точки зрения. В связи со становлением

антропоцентрической методологии расхождения в трактовках еще более усугубились.

Особую значимость данное понятие приобретает в прагмалингвистике. Явившись продолжением семантики, прагматика поставила вопросы о месте значения языкового знака в коммуникации, о типах значений, о соотношении понятий 'значение' и 'смысл', о роли конвенции в формировании значения. Решение этих вопросов сопряжено с преодолением разночтений и разногласий.

В настоящей статье рассматриваются такие дихотомии, как 'объективистская vs. когнитивистская трактовка значения', 'значение vs. смысл', 'лексическое vs. синтаксическое значение', 'семантическое vs. прагматическое значение'. На основе этих дихотомий представляется классификация речеактовых смыслов по критерию эксплицитности / имплицитности их языкового выражения.

1. Объективистская vs. когнитивистская трактовка значения.

Все теории значения в соответствии с методологическим подходом можно разделить на две группы: объективистские теории [Frege 1980; Searle 1986; Wunderlich 1991 и др.] и когнитивистские теории [Bierwisch 1979; Langacker 1987; Лакофф 2004 и др.]. Если объективисты рассматривают значение как находящееся «вне нас в мире», то когнитивисты считают, что «интерпретация высказывания, т.е. его значение, находится в уме» [Ченки 1996: 68]. По словам Дж. Лакоффа, в объективистской семантике «значение определяется в терминах способности символов соответствовать объективному миру прямо, без какого-либо опосредующего человеческого понимания, которое выходило бы за пределы или не согласовывалось бы с тем, что в полном смысле вне нас» [Лакофф 2004: 173], в то время как в когнитивной семантике «значение это то, что является значимым для мыслящего и функционирующего существа» [там же: 9].

На современном этапе развития лингвистики, когда когнитивно-дискурсивная переориентация обуславливает процесс 'когнитивизации' лингвистической методологии, значение понимается как результат конструирования структуры мира коммуникантами в виде ментальной репрезентации [Vanparys 1996: 109], как когнитивная структура, включенная в модели знания и мнения [Болдырев 2001: 58].

Будучи когнитивной структурой, значение языкового знака отражает те конвенции, которые стоят за ним и обуславливают выбор коммуникантами этого знака для выражения своих концептов, пропозиций, интенций. А.В. Кравченко пишет в этой связи: «В когнитивной парадигме языкового анализа <...> процесс адекватного истолкования языкового знака (понимание в обычном смысле слова) есть, по сути, процесс возможно наиболее точного исчисления оснований, которые побуждают говорящего выбрать этот знак для репрезентации концепта. «Чем менее точно определены эти основания, тем больше вероятность расхождения между “значением” знака и его “смыслом”» [Кравченко 1999: 10]. И значение, и смысл, таким образом, приписываются

когнитивистами употреблению языковых единиц в речи. Однако когнитивная трактовка значения не снимает разграничения ‘значение – смысл’.

2. Значение vs. смысл.

Проблема значения и смысла состоит уже в том, что одни лингвисты признают ее значимость, другие (большей частью, зарубежные) – обходят ее. Так, Н.Ф. Алефиренко [2005: 69] относит значение и смысл как основополагающие категории семантики «к “вечным” проблемам не только семасиологии – дисциплины лингвистической, но и таких наук, как когнитология, психосемантика, этнолингвистика, лингвокультурология и др.», а Н.Н. Болдырев [2001: 39] называет различие между значением и смыслом признаваемым всеми, канонизированным. В отечественных работах эти понятия, как правило, разграничиваются, однако иногда употребляются синонимично, что обусловлено их взаимозаменяемостью в разговорном языке [Никитин 1988: 38]. Однако в англоязычной литературе встречаем только термин ‘значение’ (*meaning*), а в немецкоязычной – большей частью ‘значение’ (*Bedeutung*) либо противопоставление ‘значение – смысл’ (*Bedeutung – Sinn*), восходящее к Г. Фреге [Frege 1980].

В целом, под значением в лингвистике подразумевается объективное содержание, а под смыслом – содержание, связанное с индивидуальной интерпретацией значения: «значение – внутри языка, смысл – вне языка» как взаимозависимые сущности [Звегинцев 2001: 176], как постоянная и переменная категории [Алефиренко 2005: 77]. Существующие взгляды на дихотомию ‘значение – смысл’ можно разделить на **три группы**:

- значение как эксплицитно выраженное содержание, а смысл – как имплицитно выраженное [Дементьев 2006: 50; Жаналина 1996; Панина 1979; Сильман 1969; Wagner F. 2001: 49].
- смысл как интенциональный компонент значения [Алефиренко 2005: 76ff; Звегинцев 2001: 169ff; Кравец 2001; Никитин 1988; Падучева 2002: 16; Becker 1988: 123ff];
- значение как вербализованный в речи смысл [Богин 1986; Зимняя 1985: 77f; Кобозева 2007: 357; Кравченко 2003: 35; Леонтьев А.А. 2003: 162; Леонтьев А.Н. 1981: 297ff; Тарасов 1979: 78ff].

Первая группа концепций, согласно которым «смысл – только невербализованная часть понятийного содержания, концептуальная информация, не имеющая языкового воплощения» [Жаналина 1996: 15], «несемiotическая (индивидуализированная и неконвенционализированная) информация», т.е. имплицитная информация, в отличие от «семiotической информации, за которой стоит система» [Дементьев 2006: 138], близка к обиходному пониманию слова ‘смысл’ и не учитывает разграничения конвенционального и неконвенционального компонентов в имплицитном содержании.

Второе понимание базируется на введенной в логическую семантику Р. Карнапом [Carnap 1972] дихотомии ‘экстенционал – интенционал’, где под

экстенционалом понимают множество возможных референтов/денотатов знака, под интенционалом – способ представления референта/денотата, общие признаки класса вещей, обозначаемых референтом/денотатом (десигнат, сигнификат) [Арутюнова 2005: 25; Никитин 1988: 27; Падучева 2002: 12, 16; Сусов 1990].

Понимание смысла как интенционального компонента значения имеет корни в учении Г. Фреге [Frege 1980] о смысле и значении (*Sinn und Bedeutung*). Данные понятия рассматриваются в направлении ‘от значения к смыслу’, т.е. исходным понятием является ‘значение’, которое предстает в речи в виде ‘смысла’. Г. Фреге иллюстрирует это на примере значения *Venus* (*Der ‘Venus’ genannte Planet*), которое может реализоваться в речи в виде смыслов *Abendstern*, *Morgenstern* и т.п. [там же: 41].

В этих концепциях термин ‘значение’ имеет широкое и узкое понимание. Значение в широком смысле включает в качестве составляющих значение в узком смысле (экстенциональный компонент) и смысл (интенциональный компонент). Таким образом, смысл – это разновидность значения (в широком смысле), поэтому термин ‘смысл’ может заменяться термином ‘значение’, но не наоборот (ср. идею Дж. Лакоффа о “метонимическом”, “заместительном” мышлении в лингвистике [Лакофф 2004: 29]). Объективистский характер этой трактовки подчеркивают современные философы: «Фреге трактует смыслы как не менее объективные по сравнению с денотатами. Объективизация истинностных значений предложений тесно связывается им с объективизацией смыслов предложений – мыслей» [Бессонов 1990: 27].

Согласно **третьей** группе концепций, «значение является только камнем в здании смысла» [Выготский 1982: 347]. Такая трактовка подчеркивает ментальные корни смысла и поэтому соответствует когнитивистской методологии. По словам А.А. Леонтьева, смысл представляет собой «отражение фрагмента действительности в сознании сквозь призму того места, которое этот фрагмент действительности занимает в деятельности данного субъекта. Понятие смысла шире понятия значения, так как помимо “объективных” особенностей структуры деятельности, зависящих от предметно-ситуативной детерминации этой деятельности, есть “субъективные” особенности, детерминированные психологической спецификой самой этой деятельности» [Леонтьев А.А. 2003: 162].

Направление рассмотрения в концепциях третьей группы можно определить как ‘от смысла к значению’: смысл выражается при помощи значения языкового знака и всевозможных видов неязыкового содержания, поэтому значение – это конструктивный элемент смысла. Эта связь особенно наглядно проявляется в герменевтической концепции понимания текста Г.И. Богина: «Понимание значений еще не есть понимание смыслов», но оно есть предпосылка для него, ибо «значение – мостик между знаком и смыслом» [Богин 1986: 42]. Если значение – элемент смысла, то термин ‘значение’ может заменяться термином ‘смысл’, но не наоборот: «смысл выражается в значениях

(как мотив в целях), а не значение в смыслах» [Леонтьев А.Н. 1981: 301]. Как видим, соотношение терминов прямо противоположно первой трактовке.

На наш взгляд, эти две трактовки не исключают друг друга, а демонстрируют взаимосвязь значения и смысла: «Значение *X-a* – это информация, связываемая с *X-ом* по общественному установлению согласно общепринятым правилам использования *X-a* в качестве средства передачи информации. Смысл *X-a* для *Y-a* в *T* – это информация, связываемая с *X-ом* в сознании *Y-a* в период времени *T*, когда *Y* производит или воспринимает *X* в качестве средства передачи информации» [Кобозева 1991: 186]. Смысл основывается на актуализации в речи значения языковой единицы, которое, в свою очередь, возникает на основе определенного смысла как его потенциальный выразитель. В речи постоянно происходит процесс актуализации языковых значений в виде смыслов – по Ш. Балли, “функция актуализации состоит в переведении языка в речь” [Балли 1955: 93]. С другой стороны, смыслы существуют в виде ментальных репрезентаций говорящих и по социальной договоренности закрепляются за словами или предложениями в качестве значений.

3. Лексическое vs. синтаксическое значение.

Данная дихотомия основана на критерии способа языкового выражения значения, на «уровневой природе выражающей его языковой единицы» – слова или предложения [Никитин 1988: 40].

С точки зрения объективистских концепций, и на лексическом, и на синтаксическом уровне проявляется разделение значения на собственно значение (денотат, эктенсионал) и смысл (сигнификат, десигнат, интенционал) [Арутюнова 2005: 25]. Денотацию/референцию предложения составляет его истинностное значение, а смысл предложения определяет пропозиция – семантическая структура предложения, т.е. такое его содержание, которое выражается в языке предикатной группой [Арутюнова 2005: 28, 37; Падучева 2002: 36].

Связь между смыслом и пропозицией прослеживается в концепции Г. Вайнриха, который называет пропозицию представлением (*Meinung*), подчеркивая ее когнитивную сущность: «Предложение – это мост между значением и представлением. Предложение вместе с дальнейшим контекстом и окружающей ситуацией ограничивает (растянутое, неопределенное, социальное, абстрактное) значение до (ограниченного, точного, индивидуального, конкретного) представления» [Вайнрих 1987: 53]. Смысл по Г. Вайнриху – это «результат сложения значений и вычитания детерминаций», т.е. нерелевантных в ситуации употребления признаков значения; «контекст создает свое представление из значения слова. Он как бы вырезает из широкого значения куски, которые не связаны с соседними значениями в предложении. То, что остается после всех отсечений, и есть представление» [там же: 54], т.е. смысл.

Речь идет о коммуникативном смысле, понимаемом как «отношение, соединение слов, при котором создается понятийно не противоречащее действительности взаимоотношение значений» [Зимняя 1985: 77f]. Безусловно, было бы ошибочным полагать, что смысл высказывания слагается из языковых значений слов, это вовсе не арифметическая сумма языковых значений. Значение предложения – это уже некий элементарный смысл, поскольку значения слов во взаимодействии друг с другом могут быть только сигнификативными. Тем более является смыслом значение высказывания – продукта речевого акта как единицы речевой деятельности. Будучи конструируемым коммуникантами в процессе вербального общения, смысл высказывания неотрывен от этого процесса, поэтому ему как нельзя более подходит название ‘коммуникативный смысл’.

В этой связи возникает вопрос о том, что считать главным при формировании коммуникативного смысла: значение слова или значение предложения? Возможны три ответа на этот вопрос: в пользу слова, в пользу предложения и в пользу употребления слов в предложении [Preyer 1997: 74]. Последний ответ, имеющий дискурсивно ориентированный характер, соответствует современной когнитивно-коммуникативной парадигме лингвистики. Хотя элементарной единицей смысла является слово, «смысл является сложно организованной системой, и он не сводится к простой сумме исходных слов» [Кравец 2001: 23]. А.С. Кравец представляет модель структуры смысла в виде «хитрой» топологии листа Мебиуса – односторонней поверхности, не имеющей ни низа, ни верха. Если на длинном листе бумаги написать сверху открытое множество высказываний, а снизу – все слова из системы языка, и образовать из этой полоски лист Мебиуса, то получается топологическая модель самопорождающейся системы смысла: «Все высказывания в такой модели формируются из слов, а смысл слов образуется в высказываниях. Действительно, начав кругообращение с “верхней” точки, мы двигаемся от высказываний к словам, т.е. приходим к семантически свернутому в слове смыслу, а, продолжая движение по кругу, мы вновь приходим к высказываниям, составленным из слов» [там же: 24].

Языковая природа значения и коммуникативная природа смысла подчеркивается Н.Ф. Алифиренко: под языковым значением он понимает «вербализованный продукт отражения действительности в сознании человека: исторически и социально закрепленная связь между акустическим образом слова и образом наименованного объекта (предмета, действия, признака)», под речевым смыслом – «лично ориентированное преломление системного значения в языковом сознании общающихся» [Алифиренко 2005: 86].

Для обозначения процесса отражения действительности в сознании человека в когнитивной лингвистике применяется термин ‘конструирование’ (*construal*), под которым понимается ментальный процесс создания коммуникантами значений и смыслов. Этот процесс включает в себя осмысление ими, во-первых, определенного дискурсивного контекста и,

во-вторых, языковых средств, выбранных говорящим для отражения этого контекста [Croft, Cruse 2004: 19; Langacker 1987: 488].

Таким образом, **значение** слова / предложения определяем как вербализованный продукт конструирования структуры мира коммуникантами, который отражает исторически и социально закреплённую связь между акустическим образом слова / предложения и образом наименованного объекта (предмета, действия, признака).

Смысл слова / предложения / высказывания / речевого акта определяем как вербализованный продукт конструирования структуры мира коммуникантами, который образуется в речи в результате актуализации значения.

Актуализация значения в виде смысла совпадает с актом референции, «когда совершается переход от обобщённой (потенциальной) семантики конвенциональной модели языковой системы к конкретной речевой» [Минкин, Шевченко 2005: 5].

4. Семантическое vs. прагматическое значение.

В прагмалингвистике разграничиваются нередко встречается противопоставление семантического и прагматического значения.

Под прагматическим значением понимается:

- дискурсивная импликатура [Schwarz, Chur 1996: 29];
- проявление субъективного, оценочно-эмоционального отношения говорящего к предмету когнитивного (денотативного) значения [Никитин 1996: 616];
- иллокутивная функция языковой единицы в определенном речевом акте [Козловский 2008; Лайонз 2003: 58ff; Becker 1988: 195; Hermanns 1985: 41; Wagner F. 2001: 55];
- речеактовое, интендируемое значение [Никитин 1988: 137; Bierwisch 1979; Grice 1993a; Grice 1993b; Müller 2003: 102; Wunderlich 1977: 243].

Первые две трактовки не охватывают всех случаев значений, отличных от денотативных, – например, вопроса, побуждения.

Третья трактовка основывается на разграничении семантического и прагматического значения (иначе – дескриптивного, пропозиционального, когнитивного, референциального и недескриптивного, непропозиционального, межличностного, экспрессивного, конативного, субъективного или значения говорящего [Лайонз 2003: 58ff]) либо синтаксического и коммуникативного значения [Алефиренко 2005: 282]). Семантическое значение касается отношений между формой («в виде лексемы, словоформы, словосочетания, грамматической конструкции» [Козловский 2008: 323]) и объективной реальностью. Прагматическое значение отражает отношения между языковой единицей и человеком, который использует ее в дискурсе. Эта дихотомия соответствует дихотомии ‘семантика’ vs. ‘прагматика’ и отражает развитие лингвистической мысли от значения суждений и предложений в логической семантике к значению высказывания и речевого акта в прагматике.

По словам Д. Вундерлиха, теория речевых актов, инициировавшая развитие прагмалингвистики, явилась «распространением теории значения на естественный язык» [Wunderlich 1977: 243], поэтому прагматическое значение называют еще и иллокутивным – по основному компоненту речевого акта.

Думается, однако, что более корректно говорить не о прагматическом значении, а о прагматическом смысле, поскольку в свете вышеизложенного речеактовым может быть только смысл. Зарубежные исследователи по англосаксонской традиции употребляют термин ‘значение’ (*meaning / Bedeutung*), и лишь немногие говорят о пропозициональном и прагматическом смысле (например, [Becker 1988: 195]). Говоря о глаголе *to mean* в связи с многозначностью термина *meaning*, П. Сгалл пишет, что «этот глагол сам имеет несколько значений, а его соответствия в других языках часто не покрывают всех его свойств и употреблений» [Sgall 1980: 233].

Как известно, речевой акт рассматривается как трехкомпонентное действие, состоящее из локутивного, иллокутивного и перлокутивного актов, поэтому целый ряд лингвистов употребляют термины ‘пропозициональное, иллокутивное, перлокутивное значение’, игнорируя традиционные термины ‘иллокутивная сила’ и ‘перлокутивный эффект’ [Дементьев 2006: 19; Минкин, Шевченко 2005; Цурикова 2006: 9; Becker 1988: 259; Müller 2003; Wagner K. 2001]. Объяснение этому немецкие ученые видят в некорректном переводе термина Дж.Л. Остина *force* [Burkhardt 1987: 195; Hermanns 1985; Wagner F. 2001: 61].

По мнению Ф. Германнса [Hermanns 1985], проанализировавшего терминологическое наполнение теории речевых актов Дж.Л. Остина и Дж.Р. Серля, при переводе работ классиков были допущены роковые вольности: под термином *force* Остин имел в виду вовсе не какую-то «магическую силу» (предмет иронии Ф. Германнса), а значение, вид значения, смысл (*meaning, import, importance*): «С достаточной ясностью там (в словаре “Concise Oxford Dictionary” – Л.Б.) в качестве значения „force“ под номером 6 написано: “Real import, precise meaning (“what is the force of “but” here?)” [там же: 39]. По данным словаря, “import“ означает “What is implied, meaning, importance“.

Таким образом, “import“ и вместе с ним “force“ имеет то же самое двойное значение, как и немецкое “Bedeutung“ (‘значение’ – Л.Б.), что тоже может означать “meaning“ и “importance“. Очевидно, именно это имел в виду Остин, когда искал альтернативу к “meaning“» [Hermanns 1985: 40]. По мнению Ф. Германнса, Дж.Л. Остин открыл нечто отличное от семантической трактовки значения, а именно прагматическое (иллокутивное) значение [op.cit: 41]: «я хочу различать *силу* и значение в смысле, в котором значение эквивалентно смыслу и референции, так же как стало существенным различие смысла и референции» [Austin 1962: 100, выделено в оригинале].

Э. Рольф высказывает иную точку зрения: хотя «то, что пытается обозначить Остин, в действительности является аспектом общего значения или

смысла» [Rolf 1994: 8], существует две причины того, что, употребляя термин *force*, Остин имел в виду не ‘значение’, а именно ‘силу’. Во-первых, он следовал Г. Фреге, говорившему об ‘утвердительной силе’ (*behauptende Kraft*) предложения; во-вторых, по мнению Э. Рольфа, высказываниям может быть присуща сила, поскольку они способны оказывать воздействие [там же].

Последний довод представляется не вполне правомерным, поскольку воздействие относится к перлокутивному компоненту речевого акта, а силой Дж.Л. Остин назвал иллокутивный смысл, но не перлокутивный. Первый довод Э. Рольфа вполне приемлем с учетом того факта, что Дж. Остин переводил работы Г. Фреге на английский язык. Тем не менее, можно предположить, что и Г. Фреге хотел подчеркнуть этим термином отличие этого типа смысла от смысла пропозиционального.

Полагаем, что речевые акты (и высказывания, с помощью которых они реализуются), обладают не значениями, а смыслами. Речеактовый смысл складывается из пропозиционального, иллокутивного и перлокутивного смыслов. М.В. Никитин, сделавший картограммный анализ терминов ‘meaning – sense’, ‘Bedeutung – Sinn’, ‘значение – смысл’, пришел к выводу, что и значение, и смысл “являются прагматическими оценками с той разницей, что <...> значение – оценка любых положений дел <...>, а смысл – оценка волевых, намеренных, целенаправленных действий, усилий относительно того, насколько они обеспечивают осуществление тех задумок, целей и интересов, ради которых они прикладываются» [Никитин 1996: 400]. Из этого положения вытекает, что смысл присущ в первую очередь речевым актам, которые являются намеренными, целенаправленными, интенциональными действиями. Смысл в таком понимании совпадает с прагматическим значением в широком смысле в духе Г.П. Грайса (**последняя**, наиболее широкая, трактовка).

Прагматические теории значения (Дж.Л. Остин, Дж.Р. Серль, Г.П. Грайс, М. Бирвиш) позволяют анализировать все высказывания (в т.ч. просьбы, вопросы и т.п.), тогда как популярные до Дж.Л. Остина семантические теории значения ограничивались суждением в форме повествовательного предложения, т.к. только им может быть предписана истинностное значение (*Wahrheitswert*).

Теория Г.П. Грайса рассматривает ‘значение *NN*’ (*meaning NN – nonnatural meaning*) – ‘прагматическое значение’, ‘субъективное значение’ или ‘значение говорящего’ [Grice 1993a; Grice 1993b]. Подчеркнем, что понятия ‘субъективное’ и ‘объективное’, по А.А. Залевской, «не противопоставляются в том смысле, что одно из них связано с чем-то ущербным, а другое – единственно правильное: речь идет о 1) принадлежащем субъекту и 2) принадлежащем окружающему миру» [Залевская 2005: 395f].

‘Неестественность’ этого значения состоит в том, что, в отличие от так называемого ‘естественного’ значения (*natural meaning*) естественных знаков (сыпь означает корь, дым означает огонь и т.п.), *meaning NN* связано с тем, что вкладывают в него говорящие субъекты, т.е. со смыслом речевого акта

или невербального действия (крик утопающего означает, что ему нужна помощь, покачивание головой означает несогласие и т.п.). Различие между естественным и прагматическим значением заключается в противопоставлении каузальной обусловленности явлений и интенциональным поведением человека: «эти различия между намеренным и ненамеренным, с одной стороны, и между тем, что естественно, и тем, что конвенционально <...> с другой стороны, с давних пор играли и продолжают играть центральную роль в теоретическом исследовании значения» [Лайонз 2003: 19].

Иначе говоря, Г.П. Грайс разграничил естественное и прагматическое значение и вывел из числа знаков интексы / симптомы, рассматриваемые в семиотике Пирса наряду с иконами и символами (ср. разграничение М.В. Никитиным [Никитин 1996: 26] по характеру связи между означающим и означаемым импликационного и знакового значения, которые соответствуют естественному и прагматическому значению Грайса).

Сущность идеи Г.П. Грайса – смещение значения из объективной реальности в сознание говорящего субъекта. В то время как в объективистской семантике значение рассматривается как нечто, определяемое объективной реальностью и базирующееся на референции и истинности, «в теории Грайса произошла смена деятельностного “субъекта значения”: если в бихевиористской психологии роль стимула (или каузатора) придавалась самому значению, то Грайс отдал ее говорящему» [Арутюнова, Падучева 1985: 13].

Г.П. Грайс определил понятие прагматического значения в терминах коммуникативной **интенции**: «‘*S* имеет нечто в виду, произнося *x*, (приблизительно) эквивалентно тому, что ‘*S* намеревается высказыванием *x* произвести определенное воздействие на слушающего посредством распознавания им этого намерения’» [Grice 1993a: 11]. ‘*Иметь в виду*’ (*to mean*), приравненное к ‘намереваться’ (*to intend*), означает у Грайса:

- когнитивную локализацию значения,
- интендирование, ‘вкладывание’ в слова индивидуального смысла, дополняющего буквальное значение сказанного.

Так Г.П. Грайс разграничивает «то, что говорится» (*what is said*) и «то, что имплицатируется» (*what is implicated*). При этом оба смысла является пропозициональным и обозначаемым соответственно *p* и *q*. А «то, что имплицатируется» основывается на «том, что говорится», поскольку «существует обязательная, хотя и не непосредственная связь между тем, что люди имеют в виду, или намереваются сказать, когда говорят, и тем, что конвенционально считается смыслом используемых ими слов» [Лайонз 2003: 21]. Эту идею Г.П. Грайса развил Дж.Р. Серль в своем принципе выразимости: “*whatever can be meant can be said*” – «все, что имеется в виду, может быть выражено словами» [Searle 1969: 32]. Этот принцип представляет собой попытку «объяснить имплицитное значение при помощи эксплицитного» [Wagner F. 2001: 70] (ср. мысль М.В. Никитина о так называемом

семиоимпликационном значении – импликационные значения, базой для которых является знаковая деятельность, речь [Никитин 1996: 27]).

По словам В.П. Алстона, «то, что говорящий имеет в виду (*means*), произнося высказывание, является функцией того, какое воздействие говорящий намеревается произвести на слушающего посредством того, что слушающий распознает это намерение. Значение предложения является приблизительной функцией того, какое воздействие обычно производится высказыванием этого предложения» [Alston 1994: 34]. Именно в стремлении оказать воздействие на адресата, проявляющемся в ментальном состоянии интенции адресанта, и состоит когнитивная сущность теории значения Г.П. Грайса [Preyer 1997: 98].

Таким образом, Г.П. Грайс выделил в прагматическом значении (смысле) эксплицитный и имплицитный компоненты. По определению Б. Мюллера, **эксплицитность** – «признак сигнификата, связанного непосредственно с денотатом, когда из никакого другого признака не может быть логически выведен тот же сигнификат», а **имплицитность** – признак сигнификата, привязанного к денотату опосредованно, «когда эта связь с другими словами передается посредством логической зависимости эксплицитным признаком значения» [Müller 2003: 89]. Иначе говоря, эксплицитный смысл наличествует, если денотат и сигнификат совпадают, имплицитный смысл – если денотат и сигнификат не совпадают. Отсюда вывод, что имплицитными можно назвать только смыслы, но не значения (ср. аналогичную мысль Т.И. Сильман о так называемом “подсмысле” [Сильман 1969: 88]).

Развитие идеи когнитивности значения Г.П. Грайса находим в теории прагматического значения высказывания М. Бирвиша [Bierwisch 1979]. В целом, обе теории репрезентуют соположимые типы значения. Однако теория М. Бирвиша противостоит Грайсовой в том смысле, что он подчеркивает ее когнитивные основы. Проводя границу между языковыми явлениями и элементами коммуникативной сферы, М. Бирвиш исходит из того, что в процессе производства и интерпретации высказываний актуализируются три различных типа интеллектуальной деятельности, называемые когнитивными системами:

- система *G* (*Grammatik*) охватывает внутреннюю грамматику коммуниканта и позволяет ему постигать буквальное значение (*sprachlich determinierte Bedeutung*);
- система *K* (*Kognition*) охватывает повседневные знания коммуниканта и дает ему возможность вовлекать в производство или интерпретацию языковых единиц контекст, на основании чего он постигает значение в контексте (*Äußerungsbedeutung im Aktualisierungskontext*);
- система *I* (*Interaktion*) предполагает способность коммуникантов производить и интерпретировать интериндивидуальные действия, на основе чего они могут постигать коммуникативный смысл (*kommunikativer Sinn im Interaktionskontext*) [там же: 121].

Выделение этих систем позволяет М. Бирвишу провести различие между языком и коммуникацией: первый вид значения он относит к сфере языка, второй – к сфере мышления, третий – к сфере социальной интеракции, т.е. дискурса.

Приравнивая прагматическое значение к речеактовому смыслу, целесообразно выделять в нем по способу выражения эксплицитный и имплицитный смысл.

5. Классификация речеактовых смыслов по способу выражения.

Опираясь на прагматические теории значения Г.П. Грайса [Grice 1993a] и М. Бирвиша [Bierwisch 1979], в речевом акте различаем эксплицитный и имплицитный смысл, в последнем выделяем конвенционализированный и имплицитивный (см. рис. 1.1).

Эксплицитный смысл соответствует конвенциональному значению Г.П. Грайса и буквальному значению М. Бирвиша, он конвенционально закреплен в виде конфигурации значений за высказываниями конкретного языка.

Конвенционализированный имплицитный смысл соответствует прикладному конвенциональному значению Г.П. Грайса и значению в контексте М. Бирвиша, этот смысл является имплицитным, поскольку распознается только в контексте, но форма высказывания, с помощью которой реализуется такой смысл, дает основания предположить возможные контекстуально зависимые смыслы. Рассмотрим следующие дискурсивные фрагменты:

- (1) Felix: *Und wo ist Brunos Vater jetzt?*
 Adrian: *In einem Altersheim. Natürlich vom Feinsten. <...>*
 Maja: *Wie nobel von Bruno.*
 Felix: *Vielleicht zahlt der Alte ja selbst.*
 Adrian: *Bestimmt nicht.*
 Felix: *Und warum nicht?*
 Adrian: *Weil er kein Geld hat. (H. Schertenleib: Radio Kaschmir, S. 351)*
- (2) Im Fernseher wird eben der Schluß des Beitrages über den Bombenanschlag in Kaschmir gezeigt. <...>
 Corinna: *Diese Scheißamis.*
 <...>
 Bruno: *Hätten sie etwa einfach abwarten sollen, bis diese Scheißmuslims das Weiße Haus bombardieren?*
 Viola: *Warum nicht.*
 Bruno: *Schwachsinn. (H. Schertenleib: Radio Kaschmir, S. 352)*

Данные диалоги иллюстрируют употребление высказывания *Warum nicht?* в двух разных дискурсивных контекстах. В первом случае оно служит для реализации речевого акта квеситива, который имеет эксплицитные смыслы. А в диалоге (2) наблюдаем конвенционализированный имплицитный смысл – ассертив-несогласие, выраженный при помощи конвенционализированного

риторического вопроса *Warum nicht? / Почему нет?*. Конвенционализированным этот смысл является потому, что он зафиксирован в словарях [Duden 2003: 1779]. Но именно возможность употребления этого высказывания для выражения эксплицитного смысла (1) говорит в пользу того, что его смысл в диалоге (2) является имплицитным.

авторы	Типы значения/смысла		
Г. Пол Грайс [Grice 1993a, Grice 1993b]	конвенциональное значение (<i>what is said</i>)	прикладное конвенциональное значение (в контексте)	ситуативное значение говорящего (<i>what is implicated</i>)
	прагматическое значение (<i>meaning NN</i>)		
Манфред Бирвиш [Bierwisch 1979]	буквальное значение (<i>sprachlich determinierte Bedeutung im Nullkontext</i>)	значение в контексте (<i>Äußerungsbedeutung im Aktualisierungskontext</i>)	коммуникативный смысл (<i>kommunikativer Sinn im Interaktionskontext</i>)
данная работа		конвенционализированный смысл	имплицитивный смысл
	эксплицитный смысл	имплицитный смысл	
	речеактовый смысл		

Рис. 1.1. Типы прагматического значения / речеактового смысла

Таким образом, разграничивая эксплицитные и имплицитные речеактовые смыслы, мы опираемся на контекстуальный критерий за Д. Вундерлихом: “смысл высказывания является эксплицитным, если он однозначно распознается в нейтральном контексте, смысл высказывания является имплицитным, если для его интерпретации необходим более широкий контекст” [Wunderlich 1980: 298].

Имплицитивный смысл соответствует ситуативному значению говорящего Г.П. Грайса и коммуникативному смыслу М. Бирвиша, он является полностью окказиональным, авторским, не зафиксированным словарями, например:

(3) Rauch: *Adjeu*. Zum Sanitäter: *Wo liegt er denn, der Herr Landgerichtsdirektor?*
Noch da drinnen? (+> *Bringen Sie ihn in die Sanitätsbaracke!*)

Der Sanitäter: Zu Befehl, Herr Kommerzienrat! (Ö. von Horváth: *Kasimir und Karoline*, S. 223)

Подчеркнутое высказывание служит для реализации речевого акта, смыслы которого являются имплицативными в виду того, что они вытекают только из дискурсивного контекста: после праздника пива (*Oktoberfest*) адресант, спрашивая санитаря, где находится пьяный директор суда, этим самым приказывает ему отнести того в барак; санитар реагирует именно на имплицитный смысл. Такой речевой акт мы формально обозначаем $Q(p)+>Q(p)\&D(q)$, где слева от знака $+>$ (дискурсивно имплицатирует, интендирует) формализован эксплицитный смысл высказывания, справа – его интендированный имплицативный смысл, в этом случае: при помощи эксплицитного квеситива с пропозицией p конструируется имплицитный директив с пропозицией q).

Разделение речеактового смысла по способу выражения на эксплицитный и имплицитный может пересекаться с его разделением в соответствии с компонентами речевого акта, т.е. компоненты речеактового смысла – пропозициональный, иллокутивный и перлокутивный смыслы, могут быть выражены эксплицитно или имплицитно.

Рассмотренные дихотомии позволяют утверждать, что прагмалингвистика изучает смыслы высказываний и речевых актов. Смысл как продукт конструирования структуры мира коммуникантами образуется в речи в результате актуализации значения. Единицы речи – речевой акт и высказывание (процесс и продукт речевой деятельности) – обладают не значениями, а смыслами.

Речеактовый смысл может быть выражен эксплицитно и имплицитно. Эксплицитные речеактовые смыслы конвенционально закреплены в виде конфигурации значений за высказываниями конкретного языка.

Имплицитные речеактовые смыслы представлены конвенционализированными и имплицативными. Конвенционализированный имплицитный смысл зафиксирован словарями, но распознается только в контексте. Имплицативный смысл является полностью окказиональным, авторским, не зафиксированным словарями.

Перспективным является углубленное изучение конвенционализированных и имплицативных смыслов, в частности, их пропозиционального, иллокутивного и перлокутивного компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные вопросы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.

2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова ; изд. 4-е, стереотипное. – М. : Эдиториал УРСС, 2005. – 384 с.
3. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 3–42.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.
5. Бессонов А.В. Фрегевская концептуализация логико-семантической теории / А.В. Бессонов // Концептуализация и смысл. – Новосибирск : Наука, 1990. – С. 20–30.
6. Богин Г.И. Типология понимания текста / Г.И. Богин. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1986. – 87 с.
7. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. – 123 с.
8. Вайнрих Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия : переводы ; общ. ред. В.В. Петрова. – М. : Прогресс, 1987. – С. 44–87.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собрание сочинений в 6 томах. – Т. 2. – М. : Педагогика, 1982. – 504 с.
10. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
11. Жаналина Л.К. Языковое значение и смысл / Л.К. Жаналина // Семантика языковых единиц : доклады V междунар. конф. – М., 1996. – С. 14–15.
12. Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды / А.А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
13. Звегинцев В.А. Проблема «значения» в современном зарубежном языкознании / В.А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1962. – Вып. 2. – С. 9–16.
14. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория / В.А. Звегинцев ; изд. 2-е, стереотипное. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
15. Зимняя И.А. Вербальное мышление (психологический аспект) / И.А. Зимняя // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М. : Наука, 1985. – С. 72–85.
16. Кобозева И.М. «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» / И.М. Кобозева // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 183–186.
17. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева ; изд. 3-е, стереот. – М. : Эдиториал УРСС, 2007. – 352 с.
18. Козловський В.В. Семантичний і прагматичний аспекти речення (на матеріалі сучасної німецької мови) / В.В. Козловський // Проблеми загального, германського та слов'янського мовознавства. – Чернівці : Книги – ХХІ, 2008. – С. 323–326.

19. Кравец А.С. Топологическая структура смысла / А.С. Кравец // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С. 17–25.
20. Кравченко А.В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания / А.В. Кравченко // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 3–12.
21. Кравченко А.В. Что такое коммуникация? / А.В. Кравченко // Непрямая коммуникация. – Саратов : Колледж, 2003. – С. 27–39.
22. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
23. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз ; пер. с англ. В.В. Морозова и И.Б. Шатуновского; под общ. ред. И.Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
24. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев ; изд. 2-е, стер. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 307 с.
25. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 583 с.
26. Минкин Л.М. Номинация и референция в высказывании / Л.М. Минкин, И.С. Шевченко // Вісник Харків. нац. ун-у імені В.Н. Каразіна. – 2005. – № 667. – С. 3–10.
27. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1988. – 168 с.
28. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
29. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е.В. Падучева ; изд. 3-е, стереотипное. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 288 с.
30. Панина Н.А. Имплицитность языкового выражения и ее типы / Н.А. Панина // Значение и смысл речевых образований. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1979. – С. 48–59.
31. Сильман Т.И. Подтекст как лингвистическое явление / Т.И. Сильман // Филологические науки. – 1969. – № 1. – С. 84–89.
32. Сусов И.П. Семиотика и лингвистическая прагматика / И.П. Сусов // Язык, дискурс и личность. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1990. – С. 125–133.
33. Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации / Е.Ф. Тарасов // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М. : Наука, 1979. – С. 15–147.
34. Цурикова Л.В. Межкультурное взаимодействие с позиций когнитивно-дискурсивного подхода / Л.В. Цурикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 1 (007). – С. 5–15.

35. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях / А. Ченки // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.
36. Alston W.P. Illocutionary acts and linguistic meaning / W.P. Alston // Foundations of Speech Act theory. – London, N.Y. : Routledge, 1994. – P. 29–49.
37. Austin J.L. How to do things with words / J.L. Austin. – Cambridge/Mass. : Harvard Univ. Press, 1962. – 166 p.
38. Becker W. Wahrheit und sprachliche Handlung: Untersuchungen zur sprachphilosophischen Wahrheitstheorie / W. Becker. – München, Freiburg : Alber, 1988. – 361 S.
39. Bierwisch M. Wörtliche Bedeutung – eine pragmatische Gretchenfrage / M. Bierwisch // Sprechakttheorie und Semantik. – Fr./M. : Suhrkamp, 1979. – S. 119–148.
40. Burkhardt A. Der Sprechakt als kooperative Anstrengung / A. Burkhardt // Kommunikation und Kooperation. – Tübingen, 1987. – S. 185–215.
41. Carnap R. Bedeutung und Notwendigkeit: Eine Studie zur Semantik und modernen Logik / R. Carnap ; üb. von W. Bader. – Wien, N.Y. : Springer, 1972. – 325 S.
42. Croft W. Cognitive Linguistics / W. Croft, D.A. Cruse. – Cambridge et al. : Cambridge Univ. Press, 2004. – XV, 356 p.
43. Duden. Universalwörterbuch / Duden ; 5., überarb. Aufl. – Mannheim et al. : Dudenverl., 2003. – 1892 S.
44. Frege G. Über Sinn und Bedeutung / G. Frege // ders. Funktion, Begriff, Bedeutung. – Göttingen, Vandenhoeck, 1980. – S. 40–65.
45. Grice H.P. Intendieren, Meinen, Bedeuten / H.P. Grice // Handlung, Kommunikation, Bedeutung. – Fr./M. : Suhrkamp, 1993a. – S. 2–15.
46. Grice H.P. Sprecher-Bedeutung, Satz-Bedeutung und Wort-Bedeutung / H.P. Grice // Handlung, Kommunikation, Bedeutung. – Fr./M. : Suhrkamp, 1993b. – S. 85–111.
47. Hermanns F. Sprechkrafttheorie: Zu einem Fall von Sprachmagie in der Sprachwissenschaft / F. Hermanns // Grazer Linguistische Studien. – 1985. – Heft 23.– S. 35–63.
48. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar : In 2 Vol / R.W. Langacker. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1987. – Vol. 1 : Theoretical Prerequisites. – 540 p.
49. Müller B.L. Der Sprechakt als Satzbedeutung: Zur pragmatischen Grundform der natürlichen Sprache / B.L. Müller. – Bern et al. : Lang, 2003. – 359 S.
50. Preyer G. Kognitive Semantik – Sprechaktsemantik / G. Preyer // Intention – Bedeutung – Kommunikation. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1997. – S. 74–138.
51. Rolf E. Sagen und Meinen / E. Rolf. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1994. – 269 S.

52. Schwarz M. Semantik. Ein Arbeitsbuch / M. Schwarz, J. Chur. – Tübingen : Narr, 1996. – 223 S.
53. Searle J.R. Speech Acts / J.R. Searle. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1969. – 206 p.
54. Searle J.R. Meaning, Communication, and Representation / J.R. Searle // Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, and Ends. – Oxford : Clarendon Press, 1986. – P. 209–226.
55. Sgall P. Towards a pragmatically based theory of meaning / P. Sgall // Speech act theory and pragmatics. – Dordrecht : Reidel, 1980. – P. 233–246.
56. Vanparys J. Categories and Complements of Illocutionary Verbs in a Cognitive Perspektive / J. Vanparys. – Fr./M. : Lang, 1996. – 249 S.
57. Wagner F. Implizite sprachliche Diskriminierung als Sprechakt / F. Wagner. – Tübingen : Narr, 2001. – 180 S.
58. Wagner K.R. Pragmatik der deutschen Sprache / K.R. Wagner. – Fr./M. : Lang, 2001. – 495 S.
59. Wunderlich D. On problems of speech act theory / D. Wunderlich // Basic Problems in Methodology and Linguistics. – Dordrecht : Reidel, 1977. – P. 243–258.
60. Wunderlich D. Methodological remarks on speech act theory / D. Wunderlich // Speech act theory and pragmatics. – Dordrecht : Reidel, 1980. – P. 291–312.
61. Wunderlich D. Arbeitsbuch Semantik / D. Wunderlich ; 2., erg. Aufl. – Fr./M. : Hain, 1991. – 368 S.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Horváth Ö. v. Kasimir und Karoline. Ein Volksstück / Ödon von Horváth // Spectaculum 8. – Fr./M. : Suhrkamp, 1965. – S. 181–230.
2. Schertenleib H. Radio Kaschmir / Hansjörg Schertenleib // Theater, Theater: Aktuelle Stücke 12. – Fr./M. : Fischer, 2002. – S. 311–364.

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

УДК 811.81-139

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В ПРЕССЕ: АСПЕКТ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Л.Р. Дускаева (Санкт-Петербург, Россия)

Л.Р. Дускаева. Отражение политической жизни в прессе: аспект речевых жанров. В статье описана система речевых жанров, представляющая алгоритм осуществляемого в журналистике политического анализа действительности. Информационные, оценочные и побудительные речевые жанры выступают моделями, использование которых позволяет журналисту ориентировать аудиторию в политической ситуации. Рассмотренные жанровые формы выражают присущие этому анализу особенности и являют собой стереотипы для порождения разнообразных информационных и аналитических журналистских жанров.

Ключевые слова: этапы политического анализа в прессе, информационные, оценочные и побудительные речевые жанры.

Л.Р. Дускаева. Відображення політичного життя у пресі: аспект мовленнєвих жанрів. У статті описана система мовленнєвих жанрів, що репрезентує алгоритм політичного аналізу дійсності, що здійснюється в журналістиці. Інформаційні, оцінні та спонукальні мовленнєві жанри виступають моделями, використання яких дозволяє журналісту орієнтувати аудиторію у політичній ситуації. Розглянуті жанрові форми виражають притаманні цьому аналізу особливості та є стереотипами для породження різноманітних інформаційних та аналітичних журналістських жанрів.

Ключові слова: етапи політичного аналізу у пресі, інформаційні, оцінні та спонукальні жанри.

L.R. Duskeyeva. Political life representation in the printed media: the dimension of speech genres. The article focuses on describing the system of speech genres representing the algorithm of the political analysis of reality which is carried out in periodical press. Informational, evaluation and stimulation speech genres function as models whose usage enables the journalist to keep the audience oriented in political situations. The genre forms under consideration reflect the peculiarities inherent in this analysis and are stereotypes for generating various informational and analytical journalistic genres.

Key words: informational, evaluation, stimulation genres, stages of political analysis in printed media.

По статусу и роли в обществе прессу называют «и средством, и объектом, и субъектом, и наблюдателем политической деятельности» [Корконосенко 1996: 42]. Включенная в политический процесс, она является одним из субъектов политического анализа [Симонов 2002, Прохоров 1998]. **Цель** статьи – представить систему речевых жанров, выработанных в прессе для осуществления политического анализа. Тем самым будут раскрыты основные текстовые формы вербализации свойственных этой деятельности когнитивных структур. Такой анализ демонстрирует, с помощью каких речевых механизмов пресса оказывает воздействие на формирование общественного сознания, как отражаются в речевой структуре текста коммуникативные и ценностные целеустановки профессиональной деятельности журналиста.

Актуальность такого исследования очевидна: предложенное в статье направление анализа находится в русле активно развивающегося сегодня когнитивного изучения языка СМИ. **Объект** изучения – публикации современной российской общественно-политической прессы. **Предмет** анализа – тематическая, композиционная и стилистическая структура жанров газетных текстов с позиции их диалогической природы, обусловленной спецификой творческой деятельности журналиста. **Материалом** изучения послужили тексты газет последнего десятилетия разных политических ориентаций: «Российская газета», «Новая газета», «Независимая газета», «Правда» и др.

В политологических работах выделяется несколько этапов политического анализа: исследование конкретных политических событий и политической ситуации, создание предположений по поводу ее возможного развития и принятие компетентных политических решений [Симонов 2002]. Рассматривая политический анализ как органически присущий журналистике вид деятельности, Е.П. Прохоров выделяет в этой деятельности три внутренних логических этапа, со специфическими познавательными действиями на каждом из них. По мнению ученого, первый шаг политического анализа предполагает необходимость «увидеть» факт или явление, событие или заявление в рамках определенной социальной системы [Прохоров 1998: 109]. Как показывает анализ журналистских материалов, для реализации этих задач осуществляется своеобразное журналистское «портретирование» действительности, помогающее зафиксировать изменения в действительности (факты и явления, события и заявления, поведение известных и еще неизвестных персонажей, причастных к изменениям). Так проясняется, каково положение дел в политической сфере: уточняются активные субъекты на политическом поле, устанавливается расклад политических сил и то, каково их влияние и взаимодействие. Для отражения первого шага политического анализа в средствах массовой информации, включающего сбор информации, рождаются **информирующие** классы текстов (речевые жанры).

По мнению Е.П. Прохорова, второй шаг политического анализа – «определение системы требований, выдвигаемых к различным политическим институтам и социальным силам. В основе этих требований – стремление

преобразовать господствующую политическую линию, решения по поводу рассматриваемой ситуации, состояния дел в той или иной сфере жизни» [там же: 109]. Как показывает наше исследование, в журналистских текстах все это оформляется как постановка проблемы, демонстрация и обоснование последней. Для этого журналист ведет речь о том, что в окружающей действительности вызывает у него тревогу, вследствие чего это происходит, каковы движущие силы происходящих политических процессов, кто виноват в происходящем, к чему сложившееся положение дел может привести. Тем самым действительность «диагностируется», если собранной информации о ней дается аналитическая оценка и строится прогноз развития ситуации. Так ведется поиск ответов на вопросы, в каком мире мы живем и какие остро социальные проблемы стоят перед нами. Для реализации второго шага политического анализа формируются **оценочные (диагностирующие)** журналистские жанры. Эти жанры способствуют «созданию идеологической ценностно-познавательной конструкции (картины мира)» [Прохоров 1998: 109].

Третий шаг политического анализа – «выработка представлений о системе политических акций, ведущих к достижению поставленных целей... Общее направление этих акций – подготовка к формированию максимально единых политических подходов и требований в лагере передовых сил общества, сплочение (подчеркивание наше – *Л.Д.*) вокруг выработанной идеи наибольшего числа сторонников, нацеливание их на конкретные политические действия» [там же: 110]. Материал исследования показывает, что для выполнения этого этапа рождается к жизни еще одна группа аналитических жанров, характеризующихся **побудительной** целеустановкой. Эта группа – **побудительных** – речевых жанров эксплицирует процесс выработки управленческого решения. Итак, три этапа политического анализа в прессе выполняется благодаря трем группам жанров – информационных, оценочных и побудительных.

Дальнейшая дифференциация внутри групп на жанры, а затем на жанровые разновидности осуществляется с учетом объектного аспекта жанровой целеустановки. Первая группа жанров, направленных на диагностирование действительности, далее дифференцируется в зависимости от того, какой «участок» действительности предусматривается отразить. Вторая группа – оценочные жанры – дифференцируется на основе того, оценки чего требуется с адресатом согласовать. Последняя группа – побудительные жанры – на основе того, какую активность в адресате предполагается вызвать жанровой моделью.

Все жанры в силу диалогической природы имеют бинарную композицию и дифференцируются под воздействием соответствующей жанровой гипотезы об адресате, моделируемые вопросы которой определяют предметный аспект целеустановки¹. Первая группа жанров, информирующих, направлена на отражение действительности и делится далее на основе гипотетических представлений о «содержательных ожиданиях адресата», т.е. в зависимости

от того, о ЧЕМ предполагается информировать. Для ответа на этот вопрос, необходимо выяснить, что является эмпирическими объектами политического анализа в журналистике. В политологии называют в качестве объектов политического анализа совокупность всех совершенных в прошлом и совершаемых в настоящем политических акций, их реализаторов, обуславливающих данные акции причин, а также их результатов [см., например: Симонов, 2002: 11]. Среда погружения журналиста в действительность составляет как *динамика* (т.е. события), так и *статика* (т.е. ситуации), а кроме того, *лица*, действия (или бездействие) которых предопределяет особенности динамики общественных процессов, характеристики статике. Журналистика, со сложившимися в ней жанровыми формами, имеет необходимый инструментарий для того, чтобы выступать активным субъектом политического анализа.

Совершенно правомерно представить сбор информации в журналистике решением задач политического анализа, которые можно сформулировать в виде набора вопросов, стимулирующих формирование жанра: 1) какое событие и как, где, почему, с какой целью происходило и каков его результат? 2) что и как, где, почему сложилось? 3) кто действующие лица в событиях, каковы их действия (мнения и позиции), чьи интересы они выражают? В ответ на имплицитно (в монологах) и эксплицитно (в диалогах) выраженные вопросы сообщаются новости (1) о событиях и происшествиях; 2) о сложившихся ситуациях и наблюдаемых явлениях; 3) о персонажах (их деятельности, мнениях, характеристиках). На основе перечисленных жанровых вопросов формируются такие жанры, как «Сообщение о ходе события», «Сообщение о причине события», «Сообщение о результатах события» и т.д. (см. табл. ниже). Указанные речевые жанры воплощаются в заметках, интервью и репортажах.

Вторая группа – оценочные речевые жанры. Исходя из того, оценки ЧЕГО предполагается согласовать с адресатом, эта группа делится на 2 подгруппы: оценивающие 1) действительность; 2) чужие смысловые позиции; 3) персонажи. Весьма разнопланово предстает оценка действительности, поскольку сама действительность может рассматриваться как в *динамике*, так и в *статике*. Оценку чужих позиций воплощает свой набор интертекстуальных жанров. Отдельное направление оценочного исследования – личность. Таким образом, оценочные жанры составляет следующий набор: «Оценка хода общественных изменений», «Оценка явления /ситуации», «Оценка чужого высказывания», «Политический портрет».

Третья группа жанров – побудительные – дифференцируется в зависимости от того, к КАКИМ ДЕЙСТВИЯМ побуждается адресат, какую активность у него предполагается вызвать. В модели выработки управленческого решения, созданной в трудах по психологии, теории управления, логике, политологии, выделяют несколько стадий: определение цели действий, выбор способа решения, программирование, исполнение действий и его текущую корректировку – оценку [Афанасьев 1981; Берков 1997; Еникеев 1999 и др.].

Процесс принятия и согласования решений в журналистике проходит через эти же стадии, каждая из которых становится основой для формирования жанровых целеустановок и жанровых моделей, таких как «Предложение способов решения проблемы», «Побуждение к выбору варианта решения общественной проблемы» и т.д. (см. табл.). Оценочные и побудительные речевые жанры воплощаются в аналитических жанрах (в корреспонденции, статье, комментарии, обзоре, обозрении, рецензии, аналитическом интервью).

Итак, дифференциация газетных речевых жанров осуществляется по двум направлениям: «по вертикали», когда они делятся на группы, и по «горизонтали», когда делятся внутри групп. Каждый из выделенных нами жанров представлен рядом разновидностей в силу различий применяемых в них способов выражения (по степени выраженной в них социальной оценочности, по характеру модальности, по тональности и т.д.).

Все сказанное о типовых целеустановках² в журналистике и классификации на их основе газетных речевых жанров обобщим в таблице.

Таблица

Группы жанров	Назначение
1. Информационные жанры (заметки, репортажи, интервью)	
Сообщение о динамике происходящего	«Сообщение о ходе события»; «Сообщение о пространстве события»; «Сообщение о причинах события»; «Сообщение о последствиях события»
Сообщение о наблюдаемой статике	«Сообщение о явлении»; «Сообщение о ситуации как взаимодействии субъектов»; «Сообщение о месте и причинах ситуации»
Сообщение об участниках политической жизни	«Сообщение о деятельности лица»; «Сообщение о высказывании лица»; «Информационный портрет»
2. Оценочные жанры (корреспонденция, статья, комментарий, обзор, обозрение, рецензия, аналитическое интервью)	
Оценка динамики	«Оценка хода общественных изменений»
Оценка статике	«Оценка явления и ситуации»
Оценка чужих высказываний	«Оценка чужого высказывания»
Оценка персонажа	«Политический портрет»
3. Побудительные жанры (корреспонденция, статья, комментарий, аналитическое интервью)	
Стимулирование практической активности	«Рекомендация способа решения проблемы»; «Рекомендация программы действий»
Стимулирование выбора	«Побуждение к выбору варианта решения общественной проблемы»; «Побуждение к выбору варианта программы действий»
Стимулирование коррекции действий	«Коррекция предпринятых властных действий»; «Коррекция неверной схемы деятельности в конфликтной ситуации»

Таким образом, представленная в таблице трехчленная классификация речевых жанров воплощает все этапы политического анализа в прессе. Дифференциация этих жанров осуществлена на основе тех типовых творческих целеустановок взаимодействия журналиста и адресата, которые реализуются в ходе такого анализа действительности. Выделенные целеустановки выступают не изолированно, а взаимодействуют друг с другом и составляют систему, с помощью которой осуществляется полный цикл политического анализа.

В самом общем виде композиция жанровой модели отражает алгоритм познания той или иной стороны действительности – события, ситуации, политического субъекта. Композиция жанра – типовая текстовая структура, в которой реализуется совокупность коммуникативно-речевых интеракций, позволяющих достичь общей жанровой цели. Манера речи, характеризующая речевой жанр, складывающаяся в нем в результате взаимодействия интеракций, составляет «жанровый стиль» (Салимовский 2002: 58). Как влияют на жанровый стиль коммуникативные целеустановки, связанные с потребностями политического анализа в прессе, рассмотрим далее.

Отражение в газетных информирующих жанрах первого шага политического анализа – знакомства с окружающей обстановкой. Политолог А.И. Соловьев подтверждает существование этого этапа в ходе политического анализа, когда выделяет среди решаемых им универсальных задач вычленение важнейших акций и интеракций, действующих в данных обстоятельствах субъектов (2001: 435). Заметки, репортажи, интервью строятся как сообщения о политических событиях, ситуациях и персонажах. Тексты, направленные на реализацию общей типовой целеустановки, типологизируются, сближаясь композиционно и стилистически.

Из представленной выше таблицы речевых жанров видно, что в новостной журналистике о событии сообщается с помощью целого ряда жанровых моделей-сообщений. Новостью становится уже происшедшее или еще ожидаемое, предполагаемое событие как последовательность изменения во времени и в пространстве различных состояний политического актора от исходного к результирующему. Схема информирования о событии (свершившемся или предстоящем) общеизвестна – в самом общем виде ее можно представить последовательностью ответов на гипотетические вопросы: 1) Что произошло, с чего это началось или что послужило поводом? 2) Как происходило (будет происходить)? 3) Чем завершилось (завершится)? Порядок и характер гипотетических вопросов – это стереотипы, сложившиеся в профессиональной практике речепорождения.

Приведем примеры: а) Цензурный гоп-стоп (Новая газета, 17.12. 2009); б) Классовые битвы за рубежом (Правда, 15.01.2010). Наблюдения за последовательностью построения заметок, выстраиваемых как «Сообщение о событии», показывают, что при общности композиционной различна степень эксплицированности «протестности»: в «Правде», представляющей интересы

КПРФ, она значительно выше и агрессивнее, чем в «Новой газете», выражающей интересы либерально-демократических политических сил. Сравнение этих двух публикаций, посвященных сообщению о событии, взятых из двух разных политических газет, показывает, что в принципах отбора передаваемой информации есть общее и различное. Общее – в выборе фактов, содержащих агональное начало (выражение несогласия или протеста против действий власти, сильных мира сего). Обратимся к текстам.

Ответы на первый вопрос модели о том, что произошло, даются уже в заголовках названием происшедшего: «*Цензурный гоп-стоп*», «*Классовые битвы*». В первом тексте речь идет о событии, происшедшем в Петербурге, во втором – во Франции. Далее в тексте заметки двусоставными предложениями «Субъект действия – действие» поясняется, что называет газета «гоп-стоп»: *Неизвестные лица встали между книгой «Матвиенко: итоги» и ее потенциальными читателями. В понедельник в шесть утра на пути из типографии был остановлен пикап с двумя сопровождающими 10 тысячами экземпляров брошюры.* – и классовой битвой: *На улицы ...вышли сотни рабочих французского шинного завода «Континенталь» в Кларуа. Вместе с представителями компартии они протестовали против судебного преследования шести их коллег, участвовавших в разгроме помещений супрефектуры в Компьене в апреле прошлого года. История противостояния трудящихся «Континенталья» и властей началась в марте 2009 года, когда рабочие узнали о неминуемом закрытии их предприятия, превратившегося в убыточное в условиях разразившегося мирового экономического кризиса. В результате реструктуризации компании на улице оказались 1120 человек. Многие из них отдали не одно десятилетие заводу в Кларуа.*

Агональность в первом тексте поддерживается дополняющей заметку справкой: <...> *Текст (украденной брошюры – Л.Д.) содержит авторский взгляд на итоги семилетнего правления Петербургом губернатора Валентины Матвиенко. Помимо прочего, есть главы о печальных архитектурных изменениях городской среды <...>, об ухудшении экологической ситуации, о членах семьи Валентины Ивановны и их социальном и экономическом положении, а также некоторые статистические данные <...>* Как видим, в этом тексте выражается недовольство действиями власти. Для этого используются средства как прямой оценочности – эмоциональной («печальных архитектурных изменениях») и прагматической (ухудшение экологической ситуации), так и косвенной – в форме намека (когда указание на предмет речи содержится (*социальное и экономическое положение членов семьи губернатора*), оценка опускается, но, какова эта оценка, читателю ясно из-за окружающего отрицательнооценочного контекста справки). Из последующего повествования о событиях, происходивших в разных странах, узнаем о том, как продолжалось противостояние: а) *Нападавшие уложили людей лицом в асфальт и все забрали,* – поясняет Ольга Курносова. – *При этом никаких документов или объяснений они не предоставили;* б) *Недовольные рабочие*

жгли шины на проходной, бросали яйца и освистывали руководство предприятия. Борьбу за свои права сотрудники продолжили в компьенском суде, однако и там их требования не были услышаны, и решение о закрытии завода осталось в силе. Возмущенные отказом люди разгромили супрефектуру, разбив окна, оргтехнику и мебель. Затем, выйдя на улицу, принялись жечь автопокрышки на улицах. Спустя девять месяцев шестеро наиболее активных участников событий в Компьене были привлечены к административной ответственности.

В первом сообщении о событии повествуется весьма сдержанно, во втором – острый накал приобретает выражение несогласия, когда, по сути, преступные действия недовольных увольнением рабочих, которые «жгли шины на проходной, бросали яйца и освистывали руководство предприятия», позже «разгромили супрефектуру, разбив окна, оргтехнику и мебель, затем, выйдя на улицу, принялись жечь автопокрышки», преподносятся как акт выражения справедливого протеста: *сотни рабочих ... протестовали против судебного преследования коллег.* В тексте звучит скрытая угроза в адрес властей, допускающих массовые увольнения.

Чем завершаются сообщения о событии? Как в первом, так и во втором тексте речь идет о последующих протестных действиях, для этого используются предложения семантической структуры «Субъект действия – действие»: а) *Члены ОГФ планируют отпечатать новый тираж – в разных типографиях и действуя с большой осторожностью, чтобы в 20-х числах декабря провести презентацию издания для журналистов. – ...Думаю, сейчас мы просто ограничимся подачей заявления о грабеже, и впредь будем действовать осторожней;* б) *Рабочих из Кларуа поддержали и коллеги из Ганновера, где «Континенталь» также закрыл ряд заводов по производству автозапчастей.* Агональность выражается демонстрацией противодействия власти. В первом тексте, например, эти действия называются и описываются обстоятельствами образа действия (*планируют отпечатать новый тираж – в разных типографиях и действуя с большой осторожностью*). Во втором тексте указывается на совместные протестные действия (*коллеги из Ганновера ...поддержали рабочих*), против кого они направлены («Континенталь») и каковы действия, вызывающие активный протест (*также закрыл ряд заводов*).

О состоянии действительности, т.е. о том, что, как, где, почему складывается и каким существует, аудитория информируется с помощью таких моделей-сообщений, как «О явлении», «О ситуации как взаимодействии субъектов», «О месте и причинах ситуации». Основные коммуникативные действия здесь – констатация параметров ситуации и описание ряда вызывающих тревогу журналиста опасных тенденций. Тем самым ситуация предстает как длящийся в определенном месте процесс или сложившееся в определенном месте состояние. Такое информирование можно в самом общем виде представить в виде последовательности ответов на вопросы: а) каковы

пространственно-временные характеристики ситуации? б) в каких актах взаимодействия ситуация проявляется? в) к чему может привести? – возможный прогноз. Обратимся к примерам: а) «Мемориал» пойдет в Европу (Новая газета, 22.01.2010); б) Оппозиция, стараясь избежать прошлых ошибок, делает новые (Известия, 17.01.2010). В первом тексте представлена конфликтная ситуация, во втором характеризуется состояние дел в определенной сфере.

В лице первого текста обозначены параметры ситуации – место, время, действующие лица, акты конфликтного взаимодействия и их результат: *В деле «Кадыров против Орлова» возможности национального правосудия исчерпаны. Вчера Мосгорсуд отклонил кассацию председателя правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова на решение Тверского районного суда города Москвы. Впрочем, также суд отклонил и противоположную кассацию, поданную Рамзаном Кадыровым.*

Аналогично приметы ситуации определяются во втором тексте – пространство, время, действующие лица, акты взаимодействия: *14 марта будут избираться региональные парламенты в Республике Алтай, Воронежской, Калужской... В регионах будут избираться мэры пяти столиц и депутаты законодательных органов восьми административных центров. Всего в стране состоится 3,5 тысячи избирательных кампаний.* Пространство обозначается географическими наименованиями, время – датами и глагольными формами, акты взаимодействия названы конструкциями соответствующей семантики (*будут избираться региональные парламенты, состоится 3,5 тысячи избирательных кампаний*).

Далее демонстрируется противостояние конфликтующих сторон. В первом тексте суть противостояния передается указанием на сами акты противодействия и их субъектов: а) *Ранее, 6 октября 2009 года Тверской суд частично удовлетворил иск о защите чести и достоинства, поданный Кадыровым против «Мемориала», а также лично против его главы. Напомним, честь и достоинство президента Чечни были задеты несправедливыми, по его мнению, словами Олега Орлова, прозвучавшими сразу после убийства Натальи Эстемировой, которая представляла «Мемориал» в Чечне: о том, что президент республики несет прямую ответственность за случившееся. В заявлении «Мемориала» говорилось, что трагедия напрямую связана с политикой властей республики. Тверской суд проигнорировал ...* Как видим, акты противодействия выражены косвенной речью. На чьей стороне газета, становится очевидным благодаря ироничной оценочной рамке, в которой представлено решение суда: *Руководителя «Мемориала» обязали компенсировать страдания чеченского президента, выплатив ему 20 тысяч рублей. С «Мемориала» взыскали 50 тысяч.*

Параметры ситуации, показанной во втором тексте, представляются глаголами, глагольными формами со значением процессности: *Последние данные социологических опросов от 9 января 2010 года, обнародованные*

ВЦИОМом, **показывают**: за "Единую Россию" – 55% опрошенных. КПРФ пользуется поддержкой 7%, ЛДПР – 4%, "Справедливая Россия" – 3%, что **находится** в пределах статистической погрешности (3,4%). Ироничное отношение к методам действий в момент избирательных кампаний демонстрирует метафора: "Яблоко", **пытающееся** **обратно** **вкатиться** **на политическое поле, пока** на уровне 1% поддержки. ... Проблема с кадрами и у КПРФ. Характеристика ситуации дается с помощью метафор, средств эмоциональной и прагматической оценки: **Странно, что партия, которая критикует технологию "паровозов", сама на более примитивном уровне эту технологию вовсю использует, устраивая настоящий "чёр"** своих политиков, которые пользуются хоть какой-то узнаваемостью... Все это свидетельствует о **короткой "скамейке запасных"** коммунистов, вынужденных **устраивать гастроли** одних и тех же узнаваемых лиц ... Им приходится заполнять списки "варягами", чтобы скрыть провал местных коммунистов, которых, похоже, мало кто знает и мало кто будет за них голосовать.

Подводятся итоги сложившейся ситуации, что передается средствами соответствующей семантики: а) **Решением Тверского суда остались недовольны обе стороны. Орлова оно не устраивало по существу, Кадырова – по сумме выплаты. ...И вот вчера Мосгорсуд нашел позицию обеих сторон бесосновательной. «Мемориал» должен опубликовать опровержение того самого заявления, президенту Чечни должны быть выплачены деньги.** Высказывается предположение о развитии ситуации определением последующих действий участника конфликта: **В решении суда сказано, что стороны вправе ...обжаловать судебные акты ... Олег Орлов, однако, полагает, что с учетом предсказуемости решения, в этом нет смысла. Национальные возможности правосудия исчерпаны, что позволяет ему обратиться с жалобой в Европейский суд по правам человека.** Противостояние российской судебной власти и действующих лиц в конфликте передано с помощью отрицательных предложений и языковых единиц со значением противопоставления.

И во втором тексте при подведении итогов прогнозируется результат последующих действий. Это передается средствами выражения гипотетичности: **Вполне можно ожидать, что и на Алтае история повторится, а Харитонов проследует в другой субъект федерации – вытаскивать тамошних коммунистов "паровозиком".** Прогноз объясняется отражением причинно-следственных связей: **...Партии, представляющие разные, зачастую враждебные друг другу идеи и политические позиции (как, например, КПРФ и ЛДПР), попросту сливаются в общую массу. Пользуясь одними и теми же словами, выдвигая одни и те же обвинения, в глазах избирателя они теперь совершенно неразличимы. Как результат – оппозиционные партии на выборах уже давно отбирают голоса не у правящей партии, а друг у друга. Так было... По всей видимости, так же**

будет и в марте, если оппозиционные партии не изменят свою тактику. В придаточном условия последнего предложения звучит косвенно выраженное побуждение.

В познании ситуации важное место занимает не только то, что происходило, что наблюдается и на что обращает внимание журналист, но и КТО субъект политических акций и интеракций и КАКОВ он. Информирова о субъектах политического процесса, новостная политическая журналистика делает это, главным образом, в таких жанровых формах, как «Сообщение о деятельности лица», «Сообщение о высказывании лица», «Информационный портрет». Последний жанр создается комплексно: называются действия, по которым можно оценить героя, описывается пространство его действий, указывается на взаимодействие с другими персонажами, в общих чертах сообщается о деятельности лица, о позиции (социальной, творческой, жизненной), может даваться даже речевая характеристика или какие-то примечательные детали портрета, хотя, разумеется, информирование не предполагает исследование типа, анализа героя в рамках политического явления.

Представим примеры публикаций в жанре информационного портрета:

а) Сергей Дарькин утвержден на пост губернатора Приморья (Ъ-Online, 11.01.2010); б) Человек из завтрашней России (Новая газета, 11.11. 2009). В политических газетах фигура политика предстает по-разному, например, в первом тексте как персона, признанная официальной властью:

а) *Парламентарии законодательного собрания Приморья утвердили предложенную президентом России кандидатуру на должность главы региона. В третий раз этот пост займет действующий губернатор Приморского края Сергей Дарькин. В его поддержку высказался 31 депутат, один парламентарий проголосовал против. Представлявший Дарькина полпред президента на Дальнем Востоке Виктор Ишаев объяснил присутствовавшим очередное внесение кандидатуры главы края: "В этой ситуации какие-либо эксперименты неуместны. Это должен быть проверенный, опытный человек". Утвержденному на третий срок губернатору Ишаев поручил произвести "качественный перелом в жизни приморцев".* Оценки, данные персонажу, вложены в уста других, тем самым создается объективированность, характерная для «Ъ»-изданий. В публикации звучит лишь отзвук того недоумения, которое вызвало новое назначение: *Стоит отметить, что еще в октябре 2009 года шансы Сергея Дарькина на переизбрание не выглядели столь значительными. Свою роль в этом сыграл и связанный с главой региона скандал. Напомним, в мае 2008 года губернатор Приморья допрашивался в связи с возможной причастностью к незаконной приватизации и коррупции... Сам подследственный сразу же слег в больницу. Приморские политологи тогда прогнозировали его скорую отставку. Тем не менее в июле 2009 года губернатор подтвердил свою готовность пойти на очередной срок, а его имя было внесено в список предложенных Дмитрию Медведеву*

кандидатур от партии "Единая Россия". Как заявляли в приморском политсовете партии, альтернативы Дарькину на руководящий пост нет.

Тональность информирующих портретных текстов стилистически различна. Для стилистики «Новой газеты» характерна поляризация высказываемых оценок, демонстрация противопоставления «своего чужому». О персонаже, признанным своим, говорится в соответствующей тональности. Так, во втором тексте она скорбна и торжественно-патетична: б) *Умер Виталий Гинзбург, академик РАН, нобелевский лауреат, наш друг, постоянный автор «Новой газеты». В плеяду великих физиков XX века он вошел по праву, по честному гамбургскому счету. На этом счету ..., весомый вклад в изучение ..., создание вместе с Ландау феноменологической теории ... Он был великим гражданином России. Но не сегодняшней, не вчерашней – завтрашней России гражданского общества. Жил по ее еще не утвердившимся в действительности законам. Что непросто было и тогда, когда он... И потом было непросто, когда принципиально Виталий Гинзбург отказался участвовать в коллективной травле сосланного в тот же Горький Андрея Сахарова.* Для противопоставления «своего» «чужому» используется антитеза, единицы с противительной семантикой, отрицания.

Духовная близость «своего» в человеке подчеркнута активным использованием разнообразных положительно-оценочных средств: *В последние годы жизни Виталий Лазаревич стал заинтересованным читателем и активным автором нашей газеты. ... И нам выпало счастье общения с этим ярким, в суждениях парадоксальным и неожиданным, в отстаивании своих взглядов порой даже беспощадным человеком, который, перешагнув 90-летний порог, сохранил ясность, резкость, поразительную молодость ума.*

Как видно из примеров, благодаря разной стилистической тональности в информирующих речевых жанрах отражаются не только события политической жизни, но и социальная позиция издания.

Таким образом, в ходе наблюдений за действительностью журналист отбирает в ней те её участки, которые особенно значимы для характеристики современной политической обстановки. Знакомя с новостями политической жизни (событиями, ситуациями, действиями политических субъектов), журналист акцентирует внимание читателя на наиболее проблемных, с его точки зрения, участках действительности. Эта информация станет фундаментом для оценки, вырабатываемой на следующем этапе политического анализа.

Жанровые формы, используемые для отражения двух других этапов политического анализа: оценку действительности и выработку управленческого решения, – описать детально в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому в жанрообразовании, отражающем эти этапы политического анализа, укажем лишь наиболее важные тенденции¹.

Второй шаг политического анализа – выработка оценки в ходе политического анализа и определение целей общественного развития.

Явная и скрытая социальная оценочность является общей стилевой чертой не только газетных текстов (Г.Я. Солганик), в том числе информационных, но и всей политической коммуникации [Чудинов 2007: 63]. На втором этапе социального ориентирования в жанрах корреспонденции, статьи, комментария, обзора, обозрения, рецензии, аналитического интервью осуществляется анализ действительности на основе оценки [Тертычный 2003]. В результате журналист вырабатывает мнение о том, что было зафиксировано на предыдущем этапе, определяя как ценность полезного для общественного развития, так и предупреждая об опасности вредного. Для отражения такого анализа в газетной журналистике формируются собственно **оценочные жанры** – вторая группа диагностирующих жанров, направленных на выработку представлений о целях общественного развития. Однако оценка во всех этих текстах имеет побудительный характер, потому что, подчеркивая её, журналист предупреждает об угрозе тех или иных тенденций, тем самым мотивирует обращенный к адресату призыв к социальной активности. Так в ходе политического анализа происходит преобразование оценочной информации в побудительную.

В зависимости от установок издания оценка выражается прямо или косвенно. Так, из рассмотренных нами изданий отметим открытую оценочность в большинстве публикаций «Новой газеты», «Правды», «Литературной газеты». Для таких газет, как «Коммерсант», «Независимая газета», характерна косвенная оценочность. При оценочном анализе используются разные виды оценок: не только общие, но и частные. Пользуясь общеизвестной классификацией частных оценок, данной Н.Д. Арутюновой, отметим, что в прессе участвует широкий спектр частных оценок – интеллектуальные, эмоциональные, морально-этические, нормативные, утилитарные, телеологические.

Обоснование своей позиции журналист осуществляет в условиях множественности мнений по обсуждаемым вопросам. Механизм оценивания в политической сфере, в частности, раскрывает А.И. Соловьев, подчеркивая, что «в силу конкурентной природы политической сферы и, как следствие, неизбежности различного видения той или иной ситуации, того или иного события представителями соперничающих сил, интерпретация одних и тех же фактов приобретает неоднозначный характер» [Соловьев 2002: 433]. Следовательно, каждый автор, «исходя из своих интересов с точки зрения статуса, позиции и других существенных черт своего отношения к действительности» (там же), оценивает, интерпретируя, и тем самым определяет угол зрения на происходящее.

Журналист выстраивает стратегию оценивания таким образом, чтобы мобилизовать как можно большее число сторонников. Это обстоятельство предопределяет характер отношений с аудиторией в политическом общении. Автор активно использует коммуникативную стратегию «сопротивления» гипотетическому оппоненту. Стилистически это и выражается в учете другого

отношения к освещаемому, часто в виде маркирования специальными языковыми средствами «своего» (одобряемого) и «чужого» (отвергаемого). Предупреждая отрицательный коммуникативный результат, журналист разъясняет, толкует, обосновывает. Отсюда – большая роль рассуждения в оценочных жанрах.

Одно направление оценочной стадии политического анализа – динамические процессы в обществе. Чтобы понять характер общественных процессов, необходимо прояснить, в каком направлении и под влиянием каких причин происходят изменения в мире. Журналист в действиях отдельных акторов на политическом поле обнаруживает опасные для общества тенденции. В результате анализа большого числа аналитических публикаций обнаружены разные классы, в которых представляется осмысление того, как происходят изменения (события), и определяются их движущие силы. В жанровой модели «Оценка хода общественных изменений» дают характеристику этих изменений, демонстрируя социальное противоречие. Жанровая форма представляет последовательность познавательных акций: 1) уяснение мотивов действий; 2) характеристика последовательности действий; 3) установления причин действий; 4) предупреждения об опасности действий. Таким образом, логика представленного в жанре рассуждения развивается, как правило, по типу обоснования, устанавливающего целесообразность или вредоносность описываемых действий, и объяснения, раскрывающего их причины и мотивы.

В результате знакомства с мотивами (целями) деятельности субъектов, причин, которые определяют их действия, «принуждают» к действиям в той или иной последовательности, а также итогов действий и их влияния на последующий ход событий, читатель получает представление о динамике происходящего: о формирующихся в обществе неблагоприятных тенденциях, о переходе причин в следствие. Опасения журналиста передаются широким использованием языковых средств эмоциональной оценки. Особенностью «предъявления угрозы» в этой жанровой модели – воспроизведение опасных действий.

В течении бытия в какой-то момент изменение объекта прекращается и создается кратковременное равновесие сил или устанавливается какое-то их соотношение, которое требует журналистской оценки, поэтому в политическом анализе, осуществляемом в журналистике, в качестве объекта оценки значительное место занимает другая сторона – статика.

Второе направление оценочной стадии политического анализа – наблюдаемые в данный момент явления и ситуации. С целью выработки мнения о статике необходимо выявить и оценить свойственные ей характеристики, присущие ей взаимосвязи, исследовать, какими причинами обусловлены эти взаимосвязи. Для этого сложилась жанровая модель «Оценка явления, ситуации», в которой содержится сообщение о месте их распространения, причинах их возникновения, особенностях взаимодействия сторон, в результате которого ситуация была создана. Для создания

информационного поля жанровой модели используются информационно-«ситуационный» жанр, который на предыдущем этапе – сбора информации – был вторичным. Оценочное рассуждение осуществляется главным образом на основе описания и сообщения. Логика реализации жанровой схемы включает согласование с читателем 1) оценок отдельных сторон описываемого явления и выделения в нем наиболее опасного; 2) установления факторов (причин, условий) возникновения угрозы. Кроме того, в жанре формулируется побуждение к устранению опасности. Журналист, выделяя аспекты оценки для согласования с читателем своего мнения об объекте описания, акцентирует наиболее противоречивые стороны. Дополняют политический анализ в прессе публикации в жанре «Оценка чужого высказывания» и «Политический портрет».

В результате оценки действительности, осуществляемой с помощью описанных жанровых моделей, достигается важнейшая цель политического анализа – определяются цели, задачи, направления общественной деятельности. Указывая на неблагоприятные, даже опасные фрагменты реальности журналист формулирует проблему, определяет векторы последующего развития. Предупреждая о неудовлетворительном состоянии дел, раскрывая опасность такого бездействия, обосновывая необходимость активных действий, публицист рекомендует устранить опасные или вредные для общества тенденции.

Поиск способов и средств устранения опасности – задача третьего этапа политического анализа в журналистике.

Отражение в речевых жанрах третьего этапа политического анализа – побуждения к социальным преобразованиям. Стадию выработки «представлений о системе политических акций, ведущих к достижению поставленных целей», отражает в журналистике группа *побудительных* жанров. На заключительном этапе политического анализа журналист проходит через ряд стадий выдвижения и согласования решений: выбор путей решения, выполнение действий, их разъяснение и текущую корректировку решений – оценку. В группе побудительных жанры дифференцируются исходя из характера действий, к которым адресат побуждается (и характер побуждения отражается в речевой структуре текстов): различаются действия ментальные и физические, конкретные действия или выбора действий и т.д. В зависимости от ожидаемой активности адресата в каждой из жанровых моделей выстраивается логика взаимодействия с ним.

Автор произведения учитывает (должен принимать во внимание!) возможность отказа выполнять эти действия, поэтому в процессе побуждения предупреждается вероятная пассивность адресата, а в связи с этим сила иллюкативного воздействия в этих жанрах особенно высока. Таким образом читатель вовлекается в прескриптивный диалог, в ходе которого с реципиентом согласуются решения по важным практическим вопросам экономической, социальной политики, а также оценки предложений и программ по общественному развитию.

Стимулирование практической активности осуществляется как предложение: например, в жанре «Рекомендация способа решения проблемы» адресат узнает о выбранном журналистом способе решения проблемы, а в жанре «Рекомендация выбора варианта решения общественной проблемы» – о нескольких возможных в той или иной критической ситуации действиях. Стимулирование деятельности возможно как коррекция уже совершенных действий в жанре «Коррекция предпринятых властных действий», а для анализа конфликтного взаимодействия, цель которого – поиск его причин и указание на способы по его устранению, может быть использован жанр «Коррекция неверной схемы деятельности в конфликтной ситуации». Последняя жанровая схема чаще всего используется в корреспонденциях.

Как показал анализ материала, композиция этих жанровых моделей может быть описана через рассмотрение последовательности постановки цели. Цель – образ результата планируемых действий, придающий всякому действию направленность, служащий его законом, образцом, нормой [Сирин 1979: 118]. В журналистике цель рассматривается как конечный результат, на достижение которого необходимо направить усилия общества по его совершенствованию. Целью же является преодоление (устранение) того, что препятствует прогрессу. В исследованиях по логике определяется ряд вопросов, с ответом на которые связано формулирование цели: 1) Ради чего нужно действовать? 2) Что нужно сделать? 3) Как и на основе чего нужно действовать? [Берков 1997: 362]. При этом «цель, направляя внимание и усилия субъекта в будущее, несет на себе давление актуальных обстоятельств, ценность вводит критерий желательности и субъективного предпочтения в формирование как самой цели, так и в выборе средств её реализации» [Демидов 2001: 138]. В вопросе «ради чего?» фиксируется запрос о мотивационном аспекте цели, в вопросе «что?» – о предметном, в вопросе «как» – о ситуационном. Объективное содержание цели определяется рассмотрением сложившейся ситуации, выяснением противоречия, того, что необходимо устранить. Оценкой его вреда и опасности с адресатом согласовывается мотивационный аспект цели. Ситуационный аспект цели раскрывается в ответе на вопрос, как следует действовать и чем указанный способ лучше другого.

Как показывает материал исследования, динамика ответа на эти вопросы отражается в выделенных нами побудительных жанрах. В публикациях построенных по этим жанровым схемам, отражается, каковы социальные потребности, убеждение автора в том, что представления журналиста о социальных потребностях соответствуют интересам людей.

Особенностью побудительных жанров является своеобразная ориентация на будущее, в котором может установиться гармония, при условии принятия той или иной предлагаемой журналистами модели действий; но будет дисгармоничным – в том случае, если модель не будет принята.

Анализ показывает, что композиция побудительных жанров включает определение целей, задач и описание способа рекомендуемых действий, наконец, объяснение целесообразности предлагаемой модели действий. Побудительная модальность в публицистике разнообразна по семантике: она выступает как предложение, наставление, предостережение, практический совет и предупреждение. Каждая модальность материализуется в тексте своим набором языковых способов, приемов и средств.

Подведем итоги. Описанная в статье система газетных речевых жанров отражает этапы и ступени политического анализа, специфика осуществления которого в журналистике определяется двумя моментами: оперативностью и направленностью на выявление потенциальных возможностей возникновения проблемных ситуаций и на поиск путей оптимизации деятельности политических субъектов.

Информационные, оценочные и побудительные речевые жанры выступают моделями, использование которых позволяет журналисту ориентировать аудиторию в политической ситуации. Классы газетных текстов, цель которых – выработка у аудитории навыков «разбираться в окружающей обстановке, понимать и оценивать социальные явления, выявлять их значимость для себя и влияние на протекающие процессы, определять к ним отношение» [Прохоров, 1998: 51], отражают первых два этапа политического анализа и характеризуются преимущественно информирующей и оценочной модальностью. Классы текстов, характеризующиеся побудительной модальностью и направленные на выработку целей, направлений, способов деятельности, отражают третий этап политического анализа.

В жанровой стилистике выделенных классов текстов отражается в самом общем виде алгоритм политического анализа того или иного объекта и присущие этому анализу особенности. Тем самым рассмотренные жанровые формы представляют собой стереотипы для порождения разнообразных информационных и аналитических журналистских жанров. Исследование позволяет раскрыть речевые механизмы развертывания информирования, оценивания и побуждения в политической прессе.

¹ Более подробно о композиции речевого жанра изложено в прежних наших публикациях: Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004; Жанровая гипотеза адресата // Вестник МГУ. – Сер. Х. Журналистика. – 2004. – № 2. – С. 97-107.

² Все названия жанрам были даны по той доминирующей коммуникативной целеустановке взаимодействия автора и читателя, которая определяет формирование жанра, поэтому были предложены, например, такие названия, как «Сообщение о ходе событий», «Сообщение о пространстве событий», «Сообщение о причинах события» и т.д. Мы пошли по такому пути, опираясь на традицию, сложившуюся в лингвистическом жанроведении, где деление жанров осуществляется на основе ведущей коммуникативной целеустановки (Т.В.Шмелева, Т.Ю.Федосюк и др.). Эта традиция устойчива, уже неоднократно апробирована. В частности, в отношении разговорной речи по иллокутивной цели выделяются жанры приветствия, благодарности, извинения, комплимента, совета, шутки и т.д. В результате проведенного нами исследования были выявлены типовые иллокутивные целеустановки, значимые для журналистики, и на этой основе даны названия выделенным речевым жанрам.

³ См. подробный анализ этих композиционно-стилистических единств – речевых жанров в других публикациях автора, например в монографии: Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом / В.Г. Афанасьев. – М. : Политиздат, 1981. – 334 с.
2. Берков В.Ф. Логика / В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич, В.И. Павлюкевич. – Минск : Тетра Системс, 1997. – 480 с.
3. Демидов А.И. Учение о политике: философские основания / А.И. Демидов. – М. : Норма, 2001. – 288 с.
4. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л.Р. Дускаева. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004. – 286 с.
5. Еникеев М.И. Общая и социальная психология / М.И. Еникеев. – М. : Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 1999. – 624 с.
6. Корконосенко С.Г. Политические роли российской журналистики / С.Г. Корконосенко // Журналистика – XX век: эволюция и проблемы ; отв. ред. Г.В. Жирков. – СПб. : Изд-во фак-та журналистики СПбГУ, 1996. – 187 с.
7. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики / Е.П. Прохоров. – М. : РИП-холдинг, 1998. – 310 с.
8. Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст) / В.А. Салимовский. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 236 с.
9. Симонов К.В. Политический анализ / К.В. Симонов. – М. : Логос, 2002. – 152 с.
10. Сирин А.Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов / А.Д. Сирин. – Томск : Изд-во ТомГУ, 1979. – 239 с.
11. Солганик Г.Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе / Г.Я. Солганик. – М. : Флинта, 2000. – 220 с.
12. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политическая технологии / А.И. Соловьев. – М. : Аспект-Пресс, 2001. – 559 с.
13. Тертычный А.А. Методология и методика социального познания в журналистике : дис. в виде доклада... доктора филол. наук / А.А. Тертычный. – М., 2003.
14. Чудинов А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М., 2007.
15. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи / Т.В. Шмелева. – Саратов : Колледж, 1997. – 286 с.

Лилия Рашидовна Дускаева, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории речевой деятельности и языка массовой коммуникации факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: LRD2005@yandex.ru

УДК 811.81-139

**ЦЕННОСТЬ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ДЛЯ МЕДИАПРОФЕССИОНАЛА
(по материалам экспертного интервью)
С.Г. Корконосенко (С.-Петербург, Россия)**

С.Г. Корконосенко. Ценность личной свободы для медиапрофессионала (по материалам экспертного интервью). Статья посвящена изучению проблемы коммуникационной свободы медиапрофессионала как её субъекта и определения гарантий такой свободы по материалам экспертного опроса представителей СМИ. Посредством аналитического соотношения когнитивных, поведенческих, статусных, возрастных и прочих параметров журналистов в ходе интервью выявляется степень персональной свободы современных медиапрофессионалов на ментальном и деятельностном уровнях в ценностных терминах, выясняется мнение экспертов о перспективе создания в России медиасферы на базе принципов коммуникационной свободы личности.

Ключевые слова: гарантия коммуникационной свободы, коммуникационная свобода, личная свобода, медиасфера, экспертное интервью.

С.Г. Корконосенко. Цінність особистої свободи для медіапрофесіонала (за матеріалами експертного інтерв'ю). Стаття присвячена вивченню проблеми комунікаційної свободи медіафахівця як її суб'єкта та визначення гарантій такої свободи за матеріалами експертного опиту представників ЗМІ. Через аналітичне співвіднесення когнітивних, поведінкових, статусних, вікових та інших параметрів журналістів у ході інтерв'ю виявляється ступінь особистої свободи сучасних медіафахівців на ментальному та діяльнісному рівнях у ціннісних термінах, виявляється думка експертів щодо перспективи створення у Росії медіагалузі на засадах принципів комунікаційної свободи особистості.

Ключові слова: гарантія комунікаційної свободи, експертне інтерв'ю, комунікаційна свобода, медіагалузь, особиста свобода.

S.G. Korkonosenko. The value of personal freedom for mediaprofessionals (on the basis of expert interview materials). The article deals with the problem of the communicational freedom of mediaprofessionals as its subjects and the determination of the guarantees of this type of freedom on the basis of mass media expert interview materials. The analytical comparison of the interviewees' cognitive, behavioral, status, age and other parameters within the framework of the interview results in estimating the degree of personal freedom of modern mediaprofessionals on the mental and activity levels in value terms and finding out the expert opinion concerning the perspective of

creating a mediafield on the basis of the personal communicational freedom principles in Russia.

Key words: communication freedom, communication freedom guarantee, expert interview, mediafield, personal freedom.

В течение нескольких последних лет группа исследователей в Санкт-Петербурге выполняет программу комплексного изучения коммуникационной свободы личности. Развернутая трактовка понятия коммуникационной свободы и программа исследования содержатся в опубликованных нами работах [Корконосенко 2010]. Естественно, что на разных этапах работы исследовательская группа обращалась к мнениям профессионалов медиа. В частности, анализировались их высказывания об отношении к своему труду, о процессах, происходящих в медиасфере, о взаимодействии с социальными институтами, общественными настроениями, цеховым сообществом. Тем самым так или иначе затрагивались представления профессионалов о мере их личной свободы в производственном и социальном поведении. Однако суждения профессионалов о коммуникационной свободе заслуживают специального рассмотрения – хотя бы уже потому, что они по своему должностному положению постоянно находятся в соприкосновении с этим трудно уловимым эмпирически, но от того не менее реальным свойством бытия личности. С функциональной точки зрения интерес к их мнению объясняется, во-первых, необходимостью дополнить «живым» материалом теоретический анализ личности профессионала как субъекта коммуникационной свободы и, во-вторых, потребностью расширить поле поиска ее гарантий. Этими обстоятельствами определяется актуальность предпринятого анализа. Поэтому специальный подпроект был посвящен изучению мнений представителей СМИ о личной свободе в журналистике.

1. Методика исследования. В качестве исследовательского метода в данном случае использовался экспертный опрос журналистов, по стандартизированному набору вопросов с открытой формой ответа. Целью является выяснение мнений специалистов о субъектах и гарантиях коммуникационной свободы. Высказанные суждения служат объектом изучения, тогда как предмет – это направленность осознания профессионалом себя в медиасреде – своих интересов, целей, желаний и возможности их свободного осуществления. Через соотношение параметров сознания и поведения выражается степень персональной свободы журналиста – на ментальном и деятельностном уровнях.

Основные задачи исследования:

- выявление взглядов экспертов и, в особенности, принципиальных совпадений в оценках, что до некоторой степени позволяет судить о распространенности взгляда в среде профессионалов;

- выявление представлений экспертов о перспективах создания в России медиасферы, основанной на принципах коммуникационной свободы личности;

- выявление корреляции мнений эксперта с его статусом, опытом и другими характеристиками личности.

На основании теоретического изучения проблемного поля проекта в целом и результатов исследования 2009-10 гг. были выдвинуты *центральные гипотезы* конкретного исследования. Гипотетически предполагалось, что:

- осознание медиасферы как среды личностного развития и самоактуализации (роста субъектности) выражено относительно слабо на фоне прагматически-деятельностного отношения к медиа;

- гарантии и препятствия обнаруживаются в основном в деятельности официальных институтов и коммерческой конъюнктуре, с меньшим вниманием к социально-психологическим и ценностно-культурным факторам;

- на различие во мнениях влияют статус, опыт занятости в медиасфере, возраст и другие характеристики экспертов.

Техника проведения опроса. Вопросы задавались по электронной почте с использованием стандартного бланка. Участники опроса подбирались на основе их согласия и с соблюдением конфиденциальности при опубликовании результатов. Период проведения (включая обработку материалов): май – июль 2011 г. По составу группа экспертов представляет собой профессионалов медиа – особую категорию субъектов коммуникационной свободы, выделенную в программе проекта. В эту категорию входят журналисты как наемные работники, руководители медиаорганизаций, а также собственники медиаресурса. Все данные статусы представлены в группе опрошенных экспертов, причем руководители (главные редакторы) и собственники одновременно являются активно действующими журналистами. Пользуясь случаем хочется поблагодарить экспертов за отзывчивость и заинтересованное отношение к предмету нашего исследования.

Качественные характеристики опрошенных специалистов заслуживают более подробного описания, поскольку от них зависят глубина и обоснованность полученных ответов. Мы старались установить своего рода ценз профессионализма, или ввести условное право на суждение. Поэтому в опросе участвовали только те журналисты, которые имеют базу для анализа – в виде квалификации и опыта профессиональной работы. Значит, они располагают и опытом использования тех возможностей для самореализации, которые предоставляет пресса. Как оказалось, все они успешно выдержали и другое условное тестовое испытание: каждый из отвечавших показал себя человеком определенных убеждений и ясно осознаваемой профессиональной идеологии. Это дало нам возможность наделить участников опроса символическими именами, в которых отразилось своеобразие позиций экспертов. Следом за тем появилось композиционное решение отчета

об исследовании: мы представляем его в форме материалов «круглого стола», где журналисты фигурируют под символическими именами и как бы непосредственно общаются между собой по поводу задаваемых вопросов.

Отдельно заметим, что помимо материала для решения «официальных» задач опроса мы получили еще и необычайно интересные микромонологи профессионалов о том, что для них лично означает занятие журналистикой. На наш взгляд, эти высказывания представляют собой самостоятельную гуманитарную и исследовательскую ценность, и поэтому они в минимальной степени подвергались сокращениям.

Итак, за «круглым столом» собрались:

Гражданин – главный редактор газеты, политический обозреватель в прессе и на радио, доктор философских наук, профессор; журналистский стаж – более 25 лет.

Реалия – политический обозреватель сетевого издания; опыт работы в СМИ – 11 лет (начала заниматься журналистикой в возрасте 15 лет).

Бывалый – работал главным редактором региональных газет и журналов, корреспондентом и редактором информационных агентств, занимается издательской и артистической деятельностью; журналистский стаж – более 40 лет.

Мастер – генеральный директор издательства и главный редактор федерального журнала, руководил рядом федеральных и региональных изданий, член Союза писателей, кандидат филологических наук; стаж работы в журналистике – 37 лет.

Профи – корреспондент нескольких телеканалов, с 15 лет публикуется в газетах; профессиональный журналистский стаж – 7 лет.

2. Содержание опроса

– Есть распространенное мнение, что работа в сфере медиа предоставляет человеку больше возможностей для реализации себя как личности и выражения себя, чем это происходит в других сферах. Как вы относитесь к этому утверждению? Можете ли подтвердить его на своем опыте?

– Профи: Профессия журналиста дает колоссальные возможности – смотреть на мир, удивляться ему, наблюдать, анализировать и передавать свои наблюдения и выводы аудитории. Несмотря на безусловные муки творчества, бессонные ночи, проведенные на съемках или в редакции, не будем лукавить: в сравнении с другими профессиями, журналистика является превосходным способом совмещать любопытство, жажду знаний и желание быть услышанным и увиденным. А когда ты за это еще и получаешь деньги, то понимаешь, как тебе повезло. Поэтому, конечно, работа в сфере медиа предоставляет безграничные просторы для творческой самореализации.

– Реалия: Да, я согласна, что работа в сфере медиа дает человеку много возможностей для самореализации. Я могу подтвердить верность этого

утверждения на основе опыта работы журналистом. Когда человек может начать журналистскую деятельность? Совсем не после окончания университета и даже не на первых курсах обучения. Журналист может почувствовать возможности работать и начать это делать еще на школьной скамье. Таким образом, журналистика позволяет расширить кругозор, каждый день узнавать новое, знакомиться с самыми разными людьми и учиться жизни. Серьезная работа журналистом может стать «университетом» реальной жизни. А накопленный опыт, связи и знания из самых различных сфер можно использовать в зрелом возрасте и в других сферах. Так случилось в моей практике, когда, начав заниматься журналистикой еще в 15 лет, к окончанию университета я имела уже широкий круг знакомств, серьезный опыт работы по специальности и багаж приоритетных знаний, на порядок превышающий тот, что получен в стенах вуза.

Если же человек начинает заниматься журналистикой в зрелом возрасте, уже имея образование (часто не профильное) и опыт работы в других сферах, то он, наоборот, прикладывает и приумножает собственный жизненный багаж.

– Мастер: Отношусь к этому утверждению положительно. Но при одном и основополагающем условии – человек должен иметь явные способности к журналистской работе и всю жизнь совершенствовать свое мастерство.

Могу подтвердить это на своем опыте: еще будучи на студенческой практике в газете, смог проявить себя и был приглашен в областную газету «Орловская правда», где успешно проработал пять лет, и в 27 лет был выдвинут на ответственную должность руководителя областной газеты «Орловский комсомолец». Одновременно с этим шло становление и как писателя, в местной и центральной прессе стали публиковаться рассказы и повести; стал участником VII Всесоюзного совещания молодых писателей.

Потом я был переведен на работу в Москву, в отдел культуры ЦК ВЛКСМ. Затем – ответственный секретарь журнала «Литературная учеба», окончил аспирантуру, получил степень кандидата наук, стал главным редактором всесоюзного журнала «Юный натуралист», а в 1993 году основал первый в России детский журнал о природе для семейного чтения «Муравейник», которым руковожу по сей день. У меня вышло более десяти книг художественной прозы и двухтомник избранного, стал лауреатом нескольких всесоюзных и всероссийских литературных и журналистских премий, награжден правительственными и общественными наградами. Все это, на мой, взгляд, свидетельства реализации и возможностей, и некоторых данных от природы способностей, и это плоды профессионального труда.

– Гражданин: Мне представляется, что это распространенное мнение не вполне корректно. Во-первых, есть масса творческих профессий, где возможностей для реализации себя не меньше, а больше. Во-вторых, нынешние СМИ – это корпорация с жесткой редакторской дисциплиной, особо не пикнешь. В-третьих, сегодня в журналистике ценится не свобода мысли, а уровень конкретной компетентности исполнителя. Сегодня век «экспертных

посредственностей». И в-четвертых, современные СМИ подлинно «массовые» – как производитель продукции для массового потребления, а при массовом производстве нужны не таланты, которые действительно ищут пространство свободы, а посредственности с техническими навыками. Так что в наши дни не журналист использует СМИ для развития себя как личности, а скорее наоборот: СМИ использует журналиста. С той лишь разницей, что среднего журналиста будут использовать по полной, а талантливому дадут «именную» площадку для экстравагантных и рейтинговых банальностей (скандалы, «патриотическая» и антидемократическая тематика).

– Бывалый: Я тоже полагаю, что любая сфера нашей жизни может предоставить инициативному, творчески мыслящему человеку возможности для самореализации. Ведь погрузившись в ту или иную любимую – это, пожалуй, стоит подчеркнуть – работу, мы обязательно будем стремиться выполнить ее лучше, с блеском. Чтобы не только самому получить удовлетворение от сделанного, но своим неординарным подходом к порученному делу, а главное – результатами произвести должное впечатление на работодателя и на всех, кого эта работа касается.

Если в сфере медиа можно отличиться яркостью выбранной темы, глубиной ее раскрытия, смелыми, порой парадоксальными суждениями, неожиданной формой (жанром), то в других областях деятельности существуют свои ниши, в которых можно отчетливо выразить свое «я». Вспомним Левшу, подковавшего блоху, персонажа древнегреческой мифологии Дедала – выдающегося художника и инженера, считавшегося изобретателем разных инструментов, построившего лабиринт на острове Крит, а также других сказочных персонажей и исторических личностей, подаривших миру множество прекрасных вещей и тем самым увековечивших свои имена.

Но журналистские навыки найдут применение и в смежных профессиях. Много лет назад мне довелось работать заместителем директора Дворца культуры имени Ленсовета по массово-политической работе. Я был приглашен именно как журналист, а не как профи-«культпросветчик». Приближалась Олимпиада-80, и в работе с населением нужно было найти яркие, впечатляющие формы, благодаря которым была бы предъявлена вся грандиозная подготовка события.

Я предложил устроить переключку советских городов, принимавших Олимпиаду. Это были Москва, Ленинград, Киев, Минск, Таллин. На сцене театрального зала дворца состоялось пять вечеров – театрализованных зрелищ, в которых приняли участие выдающиеся спортсмены, деятели культуры, науки, представители общественных организаций, артисты.

Эти вечера записывались на пленку, а затем были показаны Ленинградской студией телевидения. Ваш покорный слуга был автором сценариев встреч и их соведущим. Надо ли говорить о том, сколько и каких материалов о переключке было опубликовано мной и еще добрым десятком журналистов в СМИ различного уровня.

– Принято считать, что для успешной деятельности в сфере медиа требуется высокий уровень свободы. Вы согласны? Или это стереотипное суждение, которое не имеет отношения к практике? Если в нем все-таки есть доля правды, то какого рода свобода особенно важна (свобода чего и кого)?

– Гражданин: Ко всему сказанному в ответе на первый вопрос можно только добавить следующее. Свобода СМИ – это жизненное условие, без которого невозможно добывание и распространение информации. Свобода СМИ обеспечивается независимостью владельца СМИ от власти и даже гражданского общества (общественного настроения на данный момент). Главное – свобода СМИ от власти (но не от закона).

– Профи: Потребность в свободе зависит от собственных установок. В любом творческом коллективе, будь то редакция газеты, ТВ или радио, можно занять ту нишу, где ты будешь работать свободно, сверяясь исключительно с общепринятыми ориентирами и ценностями, чтобы не ущемить свободу твоей публики. К тому же, на мой взгляд, те журналисты, которые вопят о серьезных ограничениях свободы, необъективны: всегда есть возможность устроиться в то издание, где твои взгляды будут уместными.

– Мастер: С одной стороны, я согласен с тем, что необходим высокий уровень свободы. И в то же время, действительно, это и расхожее, и стереотипное суждение, часто – дымовая завеса, за которой прячется полная несвобода работающего журналиста. Особенно это касается политизированных изданий.

Я часто выступаю перед детской и подростковой аудиторией и непременно говорю ей: «Учитесь!». Знаешь на «отлично» литературу, историю, географию – ты во многом свободный человек. Провел интересное исследование, защитил диссертацию, написал книгу – еще одна степень свободы!

Касаясь нашей профессии, могу твердо сказать, что по-настоящему свободным может быть только широко образованный человек, со своим, незаемным мировоззрением и точной системой нравственно-духовных координат. Общась с нынешними молодыми журналистами, к сожалению, нередко сталкиваешься с их удручающе низким общеобразовательным и нравственным уровнем.

– Бывалый: Естественно, как без нее, свободы, обойтись? Но только абсолютной свободы в производственных условиях не бывает. Любой заданный редактором материал уже в какой-то мере сковывает свободу исполнителя, инициативу выбора. Вот тогда в порядке некой компенсации журналист включает свой творческий потенциал, ищет возможности наиболее впечатляюще и достоверно осветить предложенную начальством тему. Другое дело, когда сотрудник редакции, обладая всей полнотой выбора и не испытывая на себе давления, теряется – за что же ему взяться. Такому корреспонденту свобода деятельности, право, и не нужна. Ему бы век ходить под старшим,

получать конкретные задания и конкретно, в соответствии с буквой его требований, выполнять работу. Но при чем тогда свобода творчества?

Высокая степень свободы от директивных указаний редактора или заведующего отделом нужна творчески одаренным, инициативным журналистам, способным сполна воспользоваться этой свободой для подготовки зрелых, всесторонне взвешенных и эмоционально поданных материалов. Так рождаются сенсации.

– Реалия: Я тоже считаю, что свобода нужна в выборе методов и стиля деятельности. Главное – результат. Если в сфере медиа человек работает на кого-то, то задачи ставят ему. Но как выполнить это задачи специалист должен решать сам. Это может быть точечная задача, например, по поиску определенной информации, это может быть широкая задача, например, по освещению событий в целом секторе (политика, экономика и т.п.). Специалиста не должны ограничивать указаниями: пойдя туда, запиши то, принеси это. Подобные примитивные действия приводят к деградации журналиста. Однако не стоит путать свободу творческой деятельности с лжесвободой всего образа жизни работника.

Многое зависит и от того, кто заказывает музыку. Если издание получает от X (государства, частного лица, юридических структур) финансирование на свое существование и развитие, то критика этого же самого лица X может показаться странным поступком. Если издание обеспечивает себя самостоятельно, то сообщение любых фактов и любых авторизованных мнений себя оправдывает.

Если же вести речь о так называемой свободе слова, в гражданском смысле, то это вопрос более тонкий. По-моему, свобода слова должна заканчиваться там, где разжигается межнациональная рознь, начинается пропаганда насилия, нарушаются моральные и нравственные принципы и т.п.

– *Понятно, что свободу в практике медиа кто-то должен обеспечивать и гарантировать. Кто именно в российских условиях «ответствен» за свободу?*

– Реалия: С чего это вдруг понятно? Понятно как раз то, что в современных условиях каждый сам отвечает за свою свободу. Никто никому ничего не должен – ни обеспечивать, ни гарантировать. Сфера медиа давно стала саморегулирующимся рынком. И на рынке устанавливаются корпоративные правила, действует конкуренция или воцаряется монополия – законодательно должны быть установлены только общие жесткие правила: обязанность органов власти, правоохранительных структур, бюджетных учреждений в определенном порядке сообщать информацию, обязанность субъектов рынка не разжигать межнациональную рознь и т. п.

– Гражданин: Гарантии необходимы, и это должен быть только Закон. Но кроме Конституции и законодательства в цивилизованных странах есть культура и традиция, когда власть прислушивается к мнению газет и других СМИ, равно как и к общественному мнению, в этих медиа представленному.

– Профи: Гарантии нужны с разных направлений. В первую очередь, должны быть законодательные гарантии, подкрепленные практикой. Во-вторых, журналистские союзы должны выступать с однозначными оценками ущемления свободы, если такое случается. В-третьих, необходима поддержка всего медиасообщества. Ведь на примере комментариев пользователей сайта медиасообщества «Лениздат.ру» мы видим, как журналисты радуются неудачам коллег.

– Мастер: Государство нынче не желает быть ответственным за свободу в сфере печати и массовых коммуникаций, всячески уклоняется от этого. Прямо оторопь берет, когда руководитель высшего ранга утверждает публично, что «у нас хорошее телевидение».

На практике, в нашей реальности за свободу отвечает собственник издания, и какие у него взгляды на жизнь и на свою страну – такая там и свобода. Для порядочных, ответственных за судьбу Родины собственников – учредителей изданий свобода заключается еще и в том, чтобы тебя, руководителя любимого многими в России журнала, освободили от унижительной необходимости постоянно стучаться в высокие и не очень высокие двери того же Минобразования и доказывать равнодушным дядям и тетям, что прежде всего нужно обеспечивать школы средствами на подписку лучших детских изданий. Ведь сами дети и их педагоги отлично знают, что им нужно и для учебы, и для души, но их просто не допускают до светлых, умных и чистых изданий.

– Бывалый: В конечном счете – кто, как ни главный редактор издания, гарантирует свободу! Например, такой, как Дмитрий Муратов в «Новой газете». Сами журналисты до мозга костей, они знают «почем свобода» и при каких условиях рождаются социально острые материалы. И всеми возможными способами создают для своих коллективов такие условия.

Но это, скорее, счастливое исключение, чем правило. Потому как нередко прогрессивные редакторы, отвоевывая свободу для пишущих сотрудников, вступают в противоборство с владельцами массмедиа, о ключевой позиции которых здесь шла речь. А те, будучи консервативными буржуа, уже априори попирают всякие дерзновенные высказывания и попытки сотрудников газеты или журнала, телеканала разоблачить кого-либо из сильных мира сего. Кто побеждает в этой, порой неявной, схватке? Разумеется, владелец издания, кормилец и поилец его штата. Чересчур ерепенистый и свободолюбивый редактор недолго просидит в своем кресле. Хорошо, когда, как Константин Ремчуков в «Независимой газете», один человек является одновременно и главным редактором, и генеральным директором издания.

– *Соответственно, на пути свободы есть препятствия. Какие из них особенно трудны для преодоления? Может быть, вы знаете, как их можно преодолеть?*

– Реалия: Ничего не соответственно. Свобода внутри человека. Если он принимает решение работать в СМИ, где, по его мнению, свобода

ограничивается, то он свободен в принятии решения об увольнении из этого СМИ. В современных условиях, когда не устраивает уровень свободы, предоставляемый официальными СМИ, человек волен выйти в открытое Интернет-пространство и вещать все, что он считает нужным. И вполне возможно, что свободное слово будут читать гораздо больше, чем приглашенные заметки в прикормленной газете. Мой опыт подсказывает, что, конечно, абсолютно свободных от каких-либо условностей СМИ не бывает. Однако если степень ограничений не превышает 10-20 процентов от объема обрабатываемой информации – это не мешает ни творчеству, ни самореализации, ни свободе самовыражения журналиста.

– Профи: В этой связи: сложнее всего преодолеть собственные страхи. Очень часто журналисты опасаются сказать лишнее критическое слово, так как боятся быть наказанными редакцией или объектами своей критики. Такая самоцензура в большинстве случаев безосновательна. При этом журналистика теряет свежий и трезвый взгляд на вещи.

– Бывалый: Согласен, что прежде всего влияет человеческий фактор. Но есть и чисто технические, технологические аспекты. Например, отсутствие в редакции достойной оргтехники, позволяющей оперативно откликаться на события. Теперь одного факса мало! Нужны современные компьютеры, мощные серверы, надежные средства передвижения, цифровые фотокамеры и диктофоны. Их отсутствие, согласитесь, сковывает свободу журналиста.

Как преодолеть эти препятствия? Я бы спросил – как преодолеть косный капитализм?..

– Мастер: Скажу конкретнее: препятствие – это повсеместная собственность. В стране практически не осталось государственных периодических изданий. Что хочу – то и ворочу, кто заплатит деньги – про того и напишу (покажу, расскажу). Это, к сожалению, девиз многих нынешних собственников СМИ. Борьба с этим под силу граждански зрелому обществу – и кое-какие положительные подвижки тут наблюдаются в самое последнее время.

– Гражданин: Преодолеть препятствия в состоянии только независимый суд, который защищает право СМИ на свободу слова и наказует за любую угрозу покушения на это право, откуда бы и от кого бы эта угроза ни исходила.

– *Если у вас есть желание, дополните содержание нашего опроса замечаниями, которые вам представляются принципиально важными для обсуждаемой темы.*

– Мастер: Да, есть желание дополнить.

Первое, внутри каждого печатного органа, радио- и телеканала сейчас обязательно есть запретные темы или так называемый «неформат». И человек со стороны туда не вхож – каким бы талантливым он ни был. Считаю, что обсуждение такого вопроса дополнило бы видение темы. Второе. Говоря о свободе, нельзя обходить вниманием вопрос о правах и обязанностях издателя, журналиста, автора.

– Реалия: Вопросы носят общий характер и подразумевают широкий спектр ответов. Их нужно конкретизировать, уточнить, что именно имеется в виду, дополнить примерами. Однако свобода бывает разной – от свободы передвижения, свободы мысли, свободы слова, свободы не вовремя приходить на работу до свободы в местах лишения свободы. В каждом случае будут свои уточнения. В целом же тема свободы актуальна и важна.

– Гражданин: Обобщая свои ответы, скажу, что принципиально важны такие положения: во-первых, независимость СМИ от госвласти и, во-вторых, такая же свобода (в пределах контракта) профессиональной деятельности журналиста от владельца газеты.

– Профи: На мой взгляд, принципиально важно, что в действительности сейчас журналистике предоставлены невероятно широкие возможности для выполнения своих социальных ролей. Но пользуются этими возможностями единицы журналистов.

3. Резюме. Обобщая материалы заочной дискуссии, надо признать, что выдвинутые нами гипотезы нашли лишь частичное подтверждение. В частности, нет оснований считать, что эксперты воспринимают свободу в прессе по преимуществу в прагматически-деятельностном плане, как институциональную категорию, не соотнося ее с личной потребностью в развитии и самоактуализации. В большинстве эпизодов дискуссии звучат высказывания о том, что профессионал в массмедиа обязан сам выбирать путь следования. В противном случае из его деятельности вымываются и смысл – производственный, социальный, личностный, – и морально-нравственное содержание (самоуважение, достоинство), и готовность к труду («...сотрудник редакции, обладая всей полнотой выбора и не испытывая на себе давления, теряется – за что же ему взяться. Такому корреспонденту свобода деятельности... и не нужна»).

Вторая общая для экспертов характеристика – понимание свободы как условия деятельности, при всех прозвучавших разночтениях в ее истолковании («Естественно, как без нее, свободы, обойтись?», «Свобода СМИ – это жизненное условие, без которого невозможно добывание и распространение информации»). Даже в тех случаях, когда эта максима не формулируется отчетливо, она принимается по умолчанию: ни один из экспертов не выступил с отрицанием темы как таковой и ее значимости для себя и всего профессионального сообщества. Особого внимания заслуживает трактовка деятельности: она прямо соотносится с реализацией творческого потенциала сотрудника СМИ и понимается как возможность сполна раскрыть природные способности («Высокая степень свободы... нужна творчески одаренным, инициативным журналистам», «Человек должен иметь явные способности к журналистской работе и всю жизнь совершенствовать свое мастерство»). Заметим, что участники опроса не склонны рассуждать о творчестве в возвышенно-патетической манере, они, скорее, говорят о нем на

уровне профессионального мастерства и выполнения редакционных обязанностей («Абсолютной свободы в производственных условиях не бывает. Любой заданный редактором материал уже в какой-то мере сковывает свободу исполнителя», «Я... считаю, что свобода нужна в выборе методов и стиля деятельности»). По всей видимости, если бы эксперты выступали с публицистическими материалами о судьбах демократии, они постарались бы выявить ценность свободы для всестороннего духовного расцвета личности, на уровне высоких этико-моральных аксиом. Однако когда взгляд обращается к собственным трудовым реалиям, на первый план выходят приземленные, внутриредакционные проявления коммуникационной свободы. Это не снижение темы, а естественная реакция человека, для которого свобода самовыражения является не абстрактным понятием, а повседневной производственной необходимостью.

Здесь возникает повод вернуться к идее целенаправленного роста субъектности в медиа, положенной в концептуальную основу изучения субъектов коммуникационной свободы. Мысль об ответственности человека за использование предоставленных ему ресурсов свободы явственно проступает даже в претензиях к товарищам по цеху и VIP-персонам медиаиндустрии («Общаясь с нынешними молодыми журналистами... сталкиваешься с их удручающе низким общеобразовательным и нравственным уровнем», «Журналистике предоставлены невероятно широкие возможности... Но пользуются этими возможностями единицы журналистов», «При массовом производстве нужны не таланты, которые действительно ищут пространство свободы, а посредственности с техническими навыками»).

Вторая из гипотез – о приоритетном внимании профессионалов к институциональным гарантиям коммуникационной свободы – не подтверждается в полной мере, но и не отрицается. Выбор направления в поиске гарантий зависит от индивидуального взгляда эксперта на устройство общественной жизни и права и свободы личности. Чем более мышление профессионала развернуто в сторону социальных условий деятельности прессы, тем скорее оно находит решения в действиях государства и бизнеса («Гарантии необходимы, и это должен быть только Закон. Но... в цивилизованных странах есть культура и традиция, когда власть прислушивается к мнению газет», «Что хочу – то и ворочу... Это, к сожалению, девиз многих нынешних собственников СМИ»). Но столь же явно выражена и другая позиция, когда источниками гарантий считаются сами журналисты и творческий коллектив («Свобода внутри человека... он свободен в принятии решения об увольнении из этого СМИ», «В конечном счете – кто, как ни главный редактор издания, гарантирует свободу!»). Наконец, есть и желание видеть «единый фронт» гарантов, в составе которого журналисты взаимодействуют с государственными институтами («В первую очередь, должны быть законодательные гарантии... Во-вторых, журналистские союзы

должны выступать с однозначными оценками ущемлений свободы... В-третьих, необходима поддержка всего медиасообщества»).

Представленный набор действующих лиц традиционен, и его элементы сами по себе не вызывают возражений. Однако в цепи поборников коммуникационной свободы не хватает в высшей степени важного звена, без которого она неизбежно разрывается. Имеется в виду общественность – та, которую по старинке принято называть аудиторией. На разных этапах своего исследования коммуникационной свободы личности мы неоднократно приходили к выводу о том, что новейшие потребности развития демократии и медийной жизни вызывают к повышенной активности граждан. Именно она должна стать основным и самым прочным фактором обеспечения коммуникационной свободы, и именно в ее слабости таятся главные препятствия на пути к утверждению в прессе высших духовных ценностей.

Изучение процессов, в которые включен современный «медийный» человек, показывает, что в этом плане несомненные потери и дефициты прихотливо сочетаются с поводами для надежд и оптимизма. В частности, региональные и местные медиа многое делают для оздоровления публичной сферы на основе духовной и деятельной солидарности с населением. Как утверждают исследователи медиажизни в провинциальных регионах, «информационные процессы в современной России неоднозначны. Они не замкнуты только на столичные медиахолдинги... Огромная, трудно выживающая российская провинция пытается противопоставить импортируемой продукции свои стратегии и тактики информационного взаимодействия. <...> В каждой области, крае, районе создаются газеты, телерадиокомпании, в программной политике которых начинают доминировать темы и проблемы, идентичные традициям и культурным нормам российского народа» [Мансурова 2011: 130]. Обоснованность этого заявления подтверждается многочисленными примерами: с одной стороны, это факты сотрудничества СМИ с гражданами в рамках акций социальной помощи, защиты прав и духовной поддержки нуждающихся земляков, с другой стороны – статистический срез идейно-нравственного наполнения региональных СМИ, в котором преобладают ценности социального оптимизма, честного труда, взаимопонимания и др.

Третья гипотеза – о влиянии на мнения статусных, возрастных и других характеристик экспертов – нашла подтверждение в своеобразном преломлении. Влияние демографических показателей почти не ощутимо (может быть, сказанся недостаток материала для сопоставления). Некоторые различия углов зрения между руководителями СМИ и корреспондентами мы отмечали выше и добавим, что эксперты с большим редакторским опытом чаще мыслят социальными категориями. Но более всего влияние личных характеристик собеседников сказалось на их отличии от незримых оппонентов (а они, конечно же, есть за кадром нашей дискуссии) из числа тех журналистов, которые не имеют серьезной профессиональной подготовки, а также из числа

представителей медиабизнеса. Все наши эксперты – это зрелые журналисты, они на своей судьбе ощутили потребность в духовной свободе и ее благотворность. С уверенностью можно предположить, что редакционные новобранцы, не обладающие таким запасом личных наблюдений и переживаний, выступали бы с гораздо менее конкретными и продуманными заявлениями. Несомненно также, что для предпринимателей и коммерческих директоров медиапредприятий свобода окрашивается в цвета экономической независимости и, соответственно, коммерческого преуспевания.

Мы полагаем, что получили ценные материалы, которые непосредственно связаны с темой коммуникационной свободы личности и проливают на нее дополнительный свет. Они могут быть использованы и в других научных целях, поскольку благодаря интеллектуальному труду экспертов удалось до некоторой степени представить рефлексию профессионалов по поводу центральных проблем современной журналистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корконосенко С.Г. Свобода личности в массовой коммуникации / С.Г. Корконосенко, М.Е. Кудрявцева, П.А. Слуцкий; Под ред. С.Г. Корконосенко. – СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. – 308 с. Настоящая статья написана по материалам исследовательского проекта № 2.1.3/11342 «Свобода личности в массовой коммуникации: гуманитарные, политические и коммуникативные аспекты» (АВЦП Минобрнауки РФ).
2. Мансурова В.Д. «Медийный» человек российской провинции: динамика социального взаимодействия / В.Д. Мансурова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 207 с.

Сергей Григорьевич Корконосенко, доктор политических наук, профессор факультета журналистики С.-Петербургского государственного университета; e-mail: sk401@mail.ru

УДК 811.111

POLITICAL MYTH AND PHANTOM ENEMY

E.N. Molodychenko (Архангельск, Россия)

Е.Н. Молодыченко. Политический миф и фантом врага. В статье представлен обзор лексико-грамматических, семантических и риторических языковых инструментов реконтекстуализации реальности в политическом дискурсе. На основе анализа дискурса американских президентов делается вывод о том, что наиболее эффективными и наиболее распространенными методами моделирования альтернативной реальности в данном дискурсивном пространстве являются номинализация, семантическая неопределенность, гиперлексикализация (эвфемизация) и метафоризация.

Ключевые слова: модель, политический дискурс, реальность, реконтекстуализация.

Є.М. Молодиченко. Політичний міф та фантом ворога. У статті представлено огляд лексико-граматичних, семантичних та риторичних мовних інструментів реконтекстуалізації реальності у політичному дискурсі. На основі аналізу дискурсу американських президентів робиться висновок про те, що найефективнішими та найпоширенішими методами моделювання альтернативної реальності у цьому дискурсивному просторі є номіналізація, семантична невизначеність, гіперлексикалізація (евфемізація) та метафоризація.

Ключові слова: модель, політичний дискурс, реальність, реконтекстуалізація.

E.N. Molodychenko. Political myth and phantom enemy. The article presents an analysis of lexico-grammatical, semantic and rhetoric language means of recontextualizing reality in political discourse. On the basis of the analysis of American presidents' discourse it is concluded that the most efficient and widely spread methods of modeling an alternative reality in this discursive space are nominalization, semantic ambiguity, over-lexicalization, and metaphorization.

Key words: model, political discourse, reality, recontextualization.

It's more or less a common knowledge that politics, at its core, is all about persuasion [Mutz et al., 1996: 1-2]. And since political action is primarily a discursive action it all boils down basically to using language in the form of text and talk to produce changes of whatever sort in reality. Such a posit draws upon the generic idea permeating the major part of discourse analysis research papers that, as Fairclough states it, "texts as elements of social events have causal effects – i.e. they bring about changes" [Fairclough 2003: 9]. Most immediately and directly, texts can

trigger changes in our knowledge (we can learn things from them), our beliefs, our attitudes, values etc. They also have long-term causal effects. Texts can start wars, or bring about changes in education, or industrial relations etc. Their effects can include changes in the material world, such as changes in urban design and architecture. All in all, texts have causal effects upon, and contribute to changes in, people, actions, social relations, and the material world [Ibid.: 9].

On the other hand, texts can be seen as reflecting reality i.e., stated in terms of critical discourse analysis, they can represent certain social practices with a vague measure of accuracy. In other words, representation always involves recontextualization [see Van Leeuwen and Wodak 1999: 96]. In this way, as it is widely noted in political, social and linguistic literature likewise, political discourse (as an aggregate of texts functioning in realm of politics) is heavily responsible for creating what is known as a political myth, i.e. a different sort of reality which has little or nothing to do with the order of things ‘out there’ and is created inter- and intratextually.

This twofold approach to texts both reflects and restates the key theoretical notion of discourse as advocated by critical analysts which assumes a dialectical relationship between particular discursive events and the situations, institutions, and social structures in which they are embedded: on the one hand, these situational, institutional and social contexts shape and effect discourse, on the other hand discourses influence social and political reality. In other words discourse constitutes social practice and is at the same time constituted by it [Van Leeuwen and Wodak 1999: 92].

In this paper it will be contended that certain transformations in the process of recontextualizing social practices can be traced back to specific linguistic means and that such means can go a long way towards creating political myths. We will present a description of several linguistic means that, as our analysis shows, are widely used in political discourse and we will supply the descriptions with examples from American presidential discourse.

One of the most popular means of creating distorted representations in political discourse and other discourses geared towards persuasion ends and otherwise is *nominalization* [Fairclough 2003: 144-145; van Dijk 2008: 826]. Linguistically nominalization is an incongruent metaphorical representation of a process. Thus, we can say that entities are congruently represented by nouns and processes are congruently represented by verbs which allows for all the semantic roles like agents and patients [Fairclough 2003: 144]. Nominalizations, au contraire, eliminate semantic roles and such grammatical categories as tense and mood. They reflect reality not in terms of processes and actions as represented by verbs but in terms of objects and entities, that is, as ‘reified processes’, represented by nouns. As nouns, nominalizations can take on the roles, functions, and characteristics of nouns [Dunmire 2005: 490]. These phantom entities act as phantom agents in the transitivity structure of the texts and can become responsible for certain actions. Consider, for

example, the following phrases uttered by G.W. Bush in his speeches in the wake of the 9/11 tragedy:

If we wait for **threats to fully materialize**, we will have waited too long [Bush 2002a].

We must take the battle to the enemy, disrupt his plans, and confront the worst **threats** before **they emerge** [Bush 2002a].

This **threat hides** within many nations, including my own [Bush 2002b].

In the above we see the abstract entity ‘treat’ performing actions and activities as an agent. No specific agent that can really be the cause of an action or process is indicated though.

What is more, since process is being *metaphorically* represented as an entity it actually has the ability to acquire the properties of a physical entity, so it can be seen or otherwise perceived and even obtains physical dimensions. Consider the following:

Today in Iraq, we **see a threat** whose **outlines are far more clearly defined**, and whose consequences could be far more deadly [Bush 2002c].

In this example the physicality of the phantom entity is evoked by the usage of what is known in NLP theory as the visual predicates – the verb *see* and predicative *clearly defined*.

Another popular means is *semantic ambiguity*. One of the basic ways to convey ambiguity and ‘talk something, but say nothing of substance’ is to use lexical items with very vague, ambiguous rational semantics but very strong emotional component to them. There are many ways to use this one in political persuasion and myth formation. One way these means can be harnessed in construction of political myths is when politicians polarize themselves and their enemies or political rivals. Consider the following examples:

I will continue reaching out to friends and allies, including our partners in NATO and the European Union, to promote **development and progress**, to defeat the terrorists, and to encourage **freedom and democracy** as the alternatives to **tyranny and terror** [Bush 2004].

In the abovementioned we see ambiguity evoked by the usage of abstract nouns *development, progress, freedom, democracy, tyranny, terror*. The thing about such abstract nouns is that they convey very little sense in terms of rational semantics, i.e. one might find difficult to say what is meant by them exactly in terms of concrete, measurable items [see also Lazar and Lazar 2004: 227-230]. Such equivocal construal leaves the interpreter to inhabit them with almost any meaning which rings true given their knowledge, beliefs, attitudes etc. What is quite certain, though, is that the first four nouns are markedly positive in appraisal of whatever entity they refer to. This gives the speaker an opportunity for positive self-presentation by way of connecting with the ‘good things’ (like *development and progress*) and distancing from the ‘bad things’ (*tyranny and terror*), without stating anything in particular. It is contended that in such cases there is a conflict of pragmatics of self-referential lexical items used to describe certain phenomena, not the conflict of intrinsic properties of

the external phenomena themselves (the existence of which in reality is quite hard to witness).

Another way to recontextualize a situation or a social practice in a skewed and warped manner is to *over-lexicalize* it in text. Given the hypothesis of there being an isomorphism of some kind between syntax of the sentence and the way the situation it models is perceived by the recipient [see Lakoff and Johnson 2003: 129-133; Lakoff 1987: 54-55 for discussion], we can suggest that the abundance of lexical items used in a string of sentence(s) to represent an event or a situation will bias the perception of the situation, with multiplicity of similar lexemes (used simultaneously) accounting for the intensity of the experience. In other words, when more or less the same situation is described with multiple lexical items of more or less identical meaning, a very specific sense is foregrounded. Consider, for example, the following:

We've seen innocent people taken from their homes, forced to kneel in the dirt, and sprayed with bullets; Kosovar men dragged from their families, fathers and sons together, lined up and shot in cold blood [Clinton 1999].

In the above we can see that the second sentence is merely a reiteration of the same model 'wrapped up' differently in terms of lexico-grammatical choices (cf.: people taken from their homes → men dragged from their families; forced to kneel in the dirt → lined up; sprayed with bullets → shot). Another way to illustrate this means is to show how the situation gets (intentionally?) overlexicalized in discourse to the point that that there appears an obvious inconsistency and overlap in categorization. Compare the following example:

The terrorists' directive commands them **to kill Christians and Jews, to kill all Americans**, and make no distinction among **military** and **civilians**, including **women and children** [Bush 2001].

So we can say that, for example, *civilians* is a category that includes both women and children, and they all can be *Americans* which in turn can be *Christians* and *Jews*. Applying the term '*Explicit Emotional Enumeration*' proposed by Reyes-Rodriguez [Reyes-Rodriguez 2008] we can suggest that the objective of such explicit emotional enumeration is to shift the perception of the situation from a rational to an emotional footing and in so doing boost the persuasive force.

To shift the perception from logical cognition to emotional and create a political myth personalization can be used. *Personalization* is, for example, a metaphorical representation of a country as person. This idea draws upon the NATION IS PERSON metaphor proposed by Lakoff [Lakoff 2004: 69]. In this way, Iraq in American presidential discourse tends to be presented as a person, which can be illustrated by the following example:

What we're confronting is a **classic bully** who thinks he can get away with **kicking sand** in the face of the world. And so far, we have acted with restraint, as is our way [Bush 1990].

In his speech on the brink of the Gulf War G. Bush calls Iraq a *bully* which is a metaphor further sustained with detailing the actions of such a bully through *kicking sand*. While calling Iraq a bully may seem almost an innocent baby-talk, we believe

that such choice in linguistic usage, if reiterated consistently, entrenches the metaphor in collective conscience with respect to a certain country and can have serious political repercussions. Thus, in American presidential discourse it became a commonplace to substitute Iraq with its leader Saddam Hussein, with Saddam Hussein constantly being portrayed as a madman via various lexical choices. Consider the following example:

As Americans, we want peace -- we work and sacrifice for peace. But there can be no peace if our security depends on the **will and whims** of a ruthless and aggressive dictator. I'm not willing **to stake** one American life on trusting Saddam Hussein [Bush 2002c].

The meaning 'madman' is realized through semantics of lexis which implicitly conveys that Saddam Hussein is moody and psychologically unstable (*will and whims*) and that relations with him are a game (*to stake*), where the outcome is treacherously unpredictable.

Categorizing Saddam Hussein as a madman we at the same time concede that Iraq is a madman-state. This way of conceptualizing Iraq in turn alters the logic of reasoning, shifts it from rational based realm to emotional realm: we might actually start to assume that Iraq is a country whose actions are emotionally grounded not logically based and that being such a madman-country it can actually attack the US or any other state just acting 'on a whim' [see Chang and Mehan 2008 for further discussion]. Which is, of course, hardly possible, for any such decision should be based on preliminary 'feasibility analysis' of the undertaking. In case of Iraq, such decision would probably never have been made at least for fear of retaliation by US WMD.

The argument above was meant to show that lexico-grammatical, semantic and rhetorical choices in language use can seriously influence the construal the models of situation they are meant to encode. We contended that through specific linguistic means texts can model an alternative reality which doesn't (necessarily) correspond to the order of things in the world itself. Through this the twofold relation of discourse and physical world is manifested. On the one hand, discourses reflect certain social situations and events and in doing so recontextualize them and through recontextualization a new reality is modeled. The measure of accuracy wherewith the actual reality is transformed largely depends on which discourse it gets recontextualized into. Some discourses are believed (and are intended) to reflect reality with a very high measure of accuracy (e.g. scholarly discourse), other, like political or advertizing discourses, tend to be less accurate. On the other hand, texts bring about changes in reality, as was stated at the beginning of the article, either directly, or indirectly. So it then begs the question what kind of change discourses intentionally biased and inaccurate in reflecting reality and geared to creation of political myths can bring about?

REFERENCES

1. Bush, George H.W. Remarks to the Military Airlift Command in Dhahran, Saudi Arabia. November 22, 1990. URL: http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers.php?id=2482&year=&month=. Accessed: 23.01.2011.
2. Bush, George W. Address to the Nation. September 20, 2001. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.20.01.html>. Accessed: 23.01.2011.
3. Bush, George W. Commencement Address at the United States Military Academy at West Point. June 1, 2002a. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/06.01.02.html>. Accessed: 23.01.2011.
4. Bush, George W. More on the Next 4 Years—Radio Address, November 6, 2004. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/11.06.04.html>. Accessed: 23.01.2011.
5. Bush, George W. Remarks to the U.N. New York. September 12, 2002b. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.12.02.html>. Accessed: 23.01.2011.
6. Bush, George W. The Iraqi Threat. October 7, 2002c. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/10.7.02.html>. Accessed: 23.01.2011.
7. Chang, G.C., Mehan, H.B. Why we must attack Iraq: Bush reasoning practices and argumentation system. In *Discourse & Society*. Vol. 19(4). Sage Publications, 2008. – Pp. 453–482.
8. Clinton, Bill. Statement on Kosovo. March 24, 1999. URL: <http://millercenter.org/scripps/archive/speeches/detail/3932>. Accessed: 23.01.2011.
9. Dunmire, P.L. Preempting the future: Rhetoric and ideology of the future in political discourse. In *Discourse & Society*. Vol. 16(4). Sage Publications, 2005. – Pp. 481-513.
10. Fairclough, N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London and New York: Routledge, 2003. – 270 p.
11. Lakoff, G. *Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives*. Chelsea Green Publishing, White River Junction, Vermont, 2004. – 144 p.
12. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by*. The University of Chicago press, 2003. – 276 p.
13. Lakoff, G. *Women, Fire and Dangerous Things*. University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
14. Lazar, A, Lazar, M. M. The discourse of the New World Order: 'out-casting' the double face of threat. In *Discourse & Society*. Vol. 15(2-3). Sage Publications, 2004. – Pp. 223-242.
15. Mutz, D. C., Sniderman, P. M., Brody, R. A. (Eds.). *Political Persuasion and Attitude Change*. Univ. of Michigan press, 1996. – 295 p.
16. Reyes-Rodriguez, A. Hot and Cold War: The Linguistic Representation of a Rational Decision Filter. In *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*. Vol 2(2). [Ejournal], 2008. – Pp. 31-47. URL: <http://cadaad.org/ejournal>. Accessed: 23.01.2011.

17. Van Dijk, T.A. Critical Discourse Analysis and Nominalization: Problem or Pseudo Problem. In *Discourse & Society*. Vol. 19(6). Sage Publications, 2008. – Pp. 821–828.
18. Van Leeuwen, T., Wodak, R. Legitimizing Immigration Control: A Discourse-Historical Analysis. In *Discourse Studies*. Vol. 1(1). Sage Publications, 1999. – Pp. 83-118.

Евгений Николаевич Молодыхенко, кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора Института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета; e-mail: philology@narfu.ru

УДК 81.38.81

ЛИНГВИСТИКА В МЕДИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В.Е. Чернявская (Санкт-Петербург, Россия)

В.Е. Чернявская. Лингвистика в медиальной парадигме: к постановке вопроса. Статья рассматривает т.н. медиальный поворот в языкознании, связанный с изучением процессов коммуникации как семиотически комплексных. Раскрывается понятие медиального формата как способа передачи информации, коммуникативного канала, как мультимодального / поликодового феномена. Рассматриваются коммуникативные ситуации, в которых когнитивные процессы запускаются в действие не только языковыми знаками, но и неязыковыми знаками / кодом.

Ключевые слова: поликодовость, мультимодальность, медиальный поворот, когнитивный процесс, вербальное, невербальное.

В.Є. Чернявська. Лінгвістика у медіальній парадигмі: до постановки проблеми. Стаття розглядає т.зв. медіальний поворот у мовознавстві, пов'язаний з вивченням про-процесів комунікації як семіотично комплексних. Розкривається поняття медіального формату як способу передачі інформації, комунікативного каналу, як мультимодального / полікодового феномена. Розглядаються комунікативні ситуації, в яких когнітивні процеси запускаються в дію не тільки мовними знаками, а й немовними знаками / кодом.

Ключові слова: полікодовість, мультимодальність, медіальний поворот, когнітивний процес, вербальне, невербальне.

V. Chernyavskaya. Linguistics in the media paradigm: introduction. The present article focuses on the so-called media turn in linguistics connected with communication studied as a semiotic complexity. The concept of medial format is viewed as a communication channel, a form of information transmission, a multimodal / polycode phenomenon. The article reveals situations of semiotically complex communication where cognitive processes are stimulated by not only verbal signs but also nonverbal signs / code.

Key words: polycode phenomenon, multimodal, medial turn, cognitive process, verbal, nonverbal.

В современном блоке языковедческих наук в первое десятилетие XXI века отчетливо прослеживается новое направление, новый **актуальный** вектор исследовательского интереса. По аналогии с тем, что в свое время называлось прагматическим поворотом (pragmatic turn), культурно-ориентированным

поворотом (cultural turn), все более активно говорится о т.н. медиальном повороте (medial turn, medienkritische Wende), который избран **объектом** нашего рассмотрения. При этом понятие «медиальное», используемое в данной связи, требует ряда уточнений, что обуславливает **цель** настоящей статьи.

Во-первых, и это наиболее привычно, *медиальность* (или *медийность*) обозначает *связь с техническим носителем* информации и связана с техногенными процессами в современной коммуникации.

Во-вторых, понятие «медиальное» (ср.: нем. medium, -en; англ. media) служит для обозначения *формы, способа передачи информации, коммуникативного канала*. В этом значении используется также сочетание «медиальный формат». В таком понимании речь идет прежде всего о традиционном для лингвистической науки разделении устной и письменной формы высказывания. И в этом смысле медиальный аспект высказывания / текста «принадлежит к его важнейшим коммуникативно-конвенциональным лингвостилистическим характеристикам... Являясь компонентом модуса формулирования текста, медиальность по-разному проявляется в разных сферах коммуникативно-познавательной деятельности человека, ... создает неодинаковые условия для актуализации интенциональных установок автора текста...», пишет авторитетный российский ученый Е.А. Гончарова [Гончарова 2008: 29]. Изучение устного или письменного модуса формулирования текста всегда входило в задачи лингвистики и ее частных дисциплин, стилистики, риторики, прагматики. На современном этапе активно противопоставление т.н. «старых» медиальных форматов/коммуникативных каналов – письменность, печатная книга – и новых, дигитальных книг.

В третьем возможном понимании *медиальность* коррелирует с понятием *коммуникативного кода*, если понимать под кодом систему условных обозначений, символов, знаков, правил их комбинации между собой для передачи, обработки, запоминания и хранения информации в наиболее оптимальной для этого форме. В языкознании такое понимание кода применяется к языковым знакам и правилам их комбинации между собой. В широком семиотическом смысле это применимо и к иному рода знакам. Так, говорится об особом рода коде, актуализируемом в музыке, ритме, движении, цвете и т.п., т.е. о цветовом, музыкальном, кинетическом и т.п. коде. Код означает здесь определенное конвенциональное соединение знака и его содержания.

Второе и третье названные определения медиального – и как коммуникативного канала, и как коммуникативного кода – не противоречат, а скорее дополняют друг друга.

В предпринимаемых рассуждениях центральное значение принадлежит пониманию медиального как особого канала передачи информации. В свою очередь, взаимодействие различных коммуникативных каналов отражается несколькими терминами, входящими в активный научный оборот. В англоязычных публикациях это «мультимодальность» (multimodality),

бимодальность, немецкоязычные исследователи оперируют наряду с указанным термином «мультимедиальность» (Multimedialität), а также полимедиальность.

В операциональном анализе сложного многоуровневого знака, интегрирующего в коммуникативное целое вербальные, визуальные, аудиальные и др. компоненты, целесообразно использовать и иной термин - «**поликодовость**» [См. подробнее: Чернявская 2009].

В изучении поликодовости прослеживается сближение исследовательских методик культурологии, семиотики, дискурсивно ориентированной лингвистики, теории коммуникации, что привело к достаточно отчетливой кристаллизации *новых акцентов и приоритетов современной науки*. Обозначу наиболее существенные из них.

Первое. Усиленное внимание к семиотически гетерогенным феноменам подчеркнуло научную целесообразность изучать «материю текста». Текст, т.е. коммуникативное единство не ограничивается лишь языковой составляющей. На функционирование смыслового целого оказывают влияние компоненты неязыковых кодов.

Второе. На современном этапе наметилась тенденция, связывающая изучение ментального и медиального в смысле очень широкого взаимодействия сознания с материальностью окружающего мира [См., напр.: Jäger, Linz 2004]. Интерес к этой проблеме порождает *круг вопросов*, задающих направление научного поиска, например: *Каковы взаимоотношения между материальным форматом коммуникации и когнитивными процессами? В какой степени и насколько всеобъемлюще «материальный формат» человеческой коммуникации влияет на ее содержание? Является ли знание, информация как таковые (не)зависимыми от медиального характера их переработки?*

В предшествующие периоды развития лингвистики, в том числе и ее когнитивно ориентированной парадигмы, ясно прослеживалась тенденция оставлять формальный аспект за порогом когнитивного инструментария, точнее говоря, до этого «исследовательского порога». В свою очередь, за ментальным содержанием (знания, мнения, намерения, эмоции, т.е. за комплексом рационального и аффективно-чувственного) шла своего рода «аура предкоммуникативного, медиально-индифферентного языка сознания [Jäger 2004: 15-16, перевод мой – В.Ч.]. В первое десятилетие XXI века появился целый ряд публикаций, переосмысляющий подобное отношение. Немецкие ученые П. Кох и С. Кремер в предисловии к коллективной публикации 1997 года констатируют произошедший переворот в исследованиях медиальности (*medienkritische Wende*) по аналогии с прагматическим переворотом. Переосмысление вопроса о соотношении мыслительного содержания и материального/медиального выражается среди прочего и в такой точке зрения. «Понятие медиальное понимается таким образом, что оно, медиальное, начинает входить в коммуникативную практику не только с началом технологизации, но уже на уровне прямой знаковой коммуникации. Таким образом, это понятие фокусирует **все формы материального проявления**

знаков... (Ср.: Jäger, Linz 2004: 10, перевод и жирный шрифт мой – В.Ч.). В свою очередь ментальное трактуется как «некий когнитивно-семиологический архив, используемый теми медиальными способами, которые операционально задаются культурно-специфической семантикой» [ср.: Jäger 2004: 16].

Естественно ожидать, что рассуждения о поликодовом знаке воспринимаются органично применительно к технически осложненным средствам коммуникации, к тому, что привычно называется мультимедийностью средств массовой информации. **Новые** ракурсы в языковедческих и коммуникативно ориентированных исследованиях следует, с моей точки зрения, усматривать в том, что мульти-/полимедиальность увязывается с человеческой коммуникацией вообще. «Строгая мономедиальность – это скорее редкий пограничный случай», пишет швейцарский лингвист К. Адамчик. Ведь даже в устной речи (в устном дискурсе) при, казалось бы, максимальной выраженности языковых знаков собственно вербальное сопровождается (или предваряется) паравербальными средствами, такими как ритм, тембр, мимика, жесты и т.п. Такие составляющие дискурса обнаруживаются часто только при технической обработке и сопровождении речи. Тем не менее паравербальное существует как часть дискурса [Ср.: Adamzik 2004: 76]. Таким образом, поликодовость – это сущностный принцип человеческой коммуникации.

Применительно к устному дискурсу утверждения о поликодовом характере коммуникации воспринимаются достаточно органично. Так, например, выделяется интересная точка зрения, противопоставляющая устный и письменный формат коммуникации с позиций поликодовости. В наиболее общих чертах она такова. Коммуникация основана на неограниченном количестве сигналов. Нет четких, строго заданных правил, определяющих, какой элемент сообщения становится значимым в общем контексте. Так, существует мнение о том, что «подлинная» коммуникация между автором и адресатом осуществляется в устном дискурсе, когда реципиент сообщения получает информацию в ее поликодовости: вместе с восприятием звучащей речи он видит мимику, жесты, позу адресанта и т.п., участвующие в создании коммуникативного смысла и направляющие его декодирование. В устном дискурсе есть та многосигнальность, которая обеспечивает оптимальное декодирование смысла сообщения. И тогда и только тогда «текст в голове» отправителя сообщения максимально приближается к «тексту в голове» его получателя. Письменный дискурс – это в определенном отношении «вынужденная» форма коммуникации, редуцирующая многосигнальность до – преимущественно – языкового кода. Рецептивная активность читателя при этом многократно увеличивается, делая возможной игру читательского сознания с текстом (здесь вступает в свои права теория декодирования, рецептивная эстетика в ее адресатоцентричной позиции) [Подробнее см.: Линелл 2008].

Обращаю внимание как на важное обстоятельство на тот факт, что визуализация коммуникативного процесса учитывалась еще в античной

риторике. Речевая ситуация в риторической традиции включала с очевидностью не только собственно языковое измерение, но еще и визуальные, кинетические и др. составляющие. Риторика как наука о формах и методах воздействующей речи учитывала в своих разделах *memoria* и *actio* условия для оптимального запоминания образной речи и ориентированные на адресата жесты, мимику, интонацию. Сведение риторики как комплексной коммуникативно-ориентированной теории лишь к *elocutio*, т.е. словесному выражению и отбору фигур речи, отвечающих критериям красноречия, пришло позднее как, к сожалению, ошибочное представление, изжившее себя в современной неориторике. Как пишет М.Н. Кожина, «предмет риторики не столько собственно речь ... сколько речевое общение; и не просто речевое общение ..., но средства и способы оптимизации общения, среди которых выступает как речь (лингвистические факторы), так и экстралингвистические факторы» [Кожина 2000: 26]. Итак, то, что изначально подразумевалось в целостной риторической теории еще со времен античности, затем уходило в тень «логоцентрического» красноречия и наконец, снова сфокусировалось в неориторике.

Показательно, что отмеченный ракурс этой проблемы не остался без внимания в период всплеска научного интереса к изучению языка как инструмента социального воздействия. В зарубежной германистике, например, представлены глубокие исследования языка немецкого национал-социализма как риторически комплексного феномена. Именно в период III Рейха тоталитарная пропаганда смогла очень тонко и по сути верно эксплуатировать то, что мы называем поликодовостью, в создании нужных отправителю сообщения посткоммуникативных эффектов. Как известно, огромная воздействующая сила в дискурсе национал-социализма обеспечивалась наложением на вербальный ряд паравербальных феноменов, таких как динамика, темп, ритм движения марширующих колонн; ритм музыкального сопровождения; коричневый цвет униформы мужчин, суггерирующий в сознании масс агрессивный и маскулинный образ; знаки символики III Рейха, многожды транслируемые в повседневном быту; тип шрифта – готический, отсылавший немецкий народ к его победному историческому прошлому, воспетому в мифах – все это соединялось в общей стратегии глорификации нацистской идеологии.

Пример иного рода, но иллюстрирующий аналогичное явление, а именно влияние формата на отношение к содержанию, передаваемому в этом формате. В эпоху «радикальных экономических реформ» в России в 1990-е гг. информация о фондах-пирамидах типа МММ, передаваемая по телевидению, воспринималась как безусловно истинная именно в силу доверия к телевизионному формату передачи информации. Аналогично с полным доверием в советское время относились к слову печатному, что восходит, если говорить шире, к особому отношению и особому статусу письменного (печатного) слова в европейской культуре.

Вообще, научные представления о поликодовом характере воздействия лежат в основе современных PR-технологий, учитывающих в создании имиджа политика или при продвижении PR-продукта, среди прочего, влияние цвета: черно-белого или цветного изображения. С этих же позиций, например, и современные художественные фильмы чередуют черно-белую и цветную пленку для достижения нужного эффекта достоверности и эмоционального воздействия на зрителя, в целом для достижения эффекта документальности изображения. В этой связи упомянем также то впечатление, которое остается, по мнению специалистов, от просмотра цветных документальных кадров, изображающих лидеров III Рейха, Гитлера и его окружения в «домашней обстановке». Такая сохранившаяся цветная лента воспринимается пронзительно воздействующей. Цвет создает эффект современного дня, присутствия того, что было ужасно в прошлом, в сегодняшнем мире. Цветная пленка (цветовой код) запускает в этом случае ассоциативное мышление и является тем катализатором, который связывает прошлое с современными политическими реалиями. В приведенных примерах именно невербальный код получает роль приоритетного персуазивного средства.

Безусловно, что соотношение того, что называется когницией, т.е. структурами и процессами получения, хранения, переработки знания, и материальным форматом, канализирующим эти процессы, исключительно сложен.

Не претендуя на окончательность суждений, считаю возможным подвести рассуждения к следующему блоку вопросов.

Да, коммуникация принципиально поликодова. Признание ее поликодового (мультимедиального) характера на современном этапе является скорее исходной посылкой для анализа, а не предметом реальных сомнений. *Какие выводы следуют из признания этого обстоятельства в когнитивной и дискурсивно ориентированной лингвистике? Как влияет это на своего рода status quo в наших взглядах на язык как привилегированный, «первосортный» код или, говоря словами К. Элиха, «архимедиум человеческой коммуникации» [Ehlich 1998: 20]? Как уточняются представления о взаимовлиянии когнитивного, т.е. нематериального и речевого в его материальном формате?*

В качестве экземплярной иллюстрации для наших рассуждений обратимся к следующему примеру. В 2010 г. в одном из выпусков российского журнала «Итоги» был опубликован материал, комментирующий назначение губернатором одного из российских регионов (Ханты-Мансийский автономный округ) Натальи Комаровой. Освещая отношение различных общественных групп и партий к назначению, журнал привел в т.ч. любопытный пример. Представители одной из протестно настроенных к губернатору групп населения распространяли в регионе стикеры с нижеследующим рисунком. Для нас здесь важен именно лингвистический комментарий (а не политический!). В данном случае мы имеем дело с

поликодовым текстом, вербально-визуальным единством, в котором смысловое единство выступает как результат взаимоналожения двух кодов – вербального и визуального. Интерпретация смысла этого сообщения у адресата – в данном случае у жителей ХМАО – не вызвала затруднений. Интенцией и связанным с ней смыслом сообщения было выражение протестных настроений. При этом нацеленность протеста была выражена не языковым знаком (фамилией Комарова), но картинкой, изображающей комара. В данном случае неэксплицитность языкового знака не стала препятствием в верном декодировании этого текста – его правильно поняли как противники, так и сторонники назначенного губернатора. При этом нельзя не оценить остроумную и тонкую форму выражения авторской интенции, позволяющую избежать обвинения в прямом призыве против кого-либо. Этот текст при желании мог быть объяснен в буквальном смысле, как призыв бороться с комарами в болотистом тундровом регионе. Считаю важным сделать следующий акцент. В приведенном примере речь идет не о визуализации в традиционном понимании этого, но именно об особом качестве текстуальности, об особом характере соединения формата с когнитивным содержанием. Речь идет не о механическом сложении вербального и визуального, но о возникновении динамических отношений картинке с «когнитивным модулем» в сознании, с ситуативно обусловленными знаниями адресата. Связность и целостность такого поликодового текста не обязательно опирается на вербальный компонент. Вообще, вербальное в рассмотренном примере даже избыточно.

СКАЖИ

НЕТ!

Подведем общий итог, разумеется, не претендующий на окончательность суждений, а скорее предполагающий продолжение размышлений.

1. Медиальное в представленном понимании не ограничивается оппозицией устное / письменное и не сводится к техническому каналу передачи информации. Медиальное означает все возможные формы, способы материальной выраженности знака и рассматривается в диалектической взаимообусловленности с ментальными феноменами.

2. Ментальное, т.е. мыслительное содержание не является индифферентным к тому медиальному формату, который выводит ментальное на внешний уровень, так сказать, материализует в коммуникации. Специфика медиального аспекта – его вербальный / невербальный / семиотически гетерогенный характер, устный / письменный, дистантный / личный (face-to-face), актуализированный или же латентный – является фактором, влияющим на формирование, структурирование, презентацию и восприятие мыслительного содержания. При этом выражение определенного мыслительного содержания не всегда безусловно может и должно быть связано с языковым знаком в его материальном представлении. Отсутствие языкового знака может получать знаковый характер и приводить в действие когнитивные процессы «в голове» реципиента. И, далее, языковой знак поддерживается и усиливается в своей знаковой функции иными знаками и кодами семиотической системы, создающими в своем интегративном единстве сложноорганизованный ментально-медиальный продукт.

¹ Основные положения данной статьи, впервые опубликованные в журнале «Язык, общество, коммуникация» Ереванского государственного лингвистического университета им. В. Брюсова, Вып. 1, 2010, открывают перспективы анализа текстов медиального формата с точки зрения их жанровой, семиотической, когнитивной специфики на различных европейских языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания / И.К. Архипов // *Studia Linguistica*. – Вып. XIII. – СПб., 2004.
2. Архипов И.К. Язык и его функция: смена парадигм научного знания / И.К. Архипов // *Studia linguistica cognitive*. Вып. II. Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Отв. ред. А.В. Кравченко. – Иркутск, 2008.
3. Гончарова Е.А. Медиальный аспект модуса формулирования текста как проблема стилистики / Е.А. Гончарова // *СТИЛ*. – Вып. 7. – Белград, 2008.
4. Кожина М.Н. Предмет риторики в парадигме речеведческих дисциплин (взгляд со стороны стилистики) / М.Н. Кожина // *Стереотипность и творчество в тексте*. – Пермь, 2000. – С. 3-32.
5. Линелл П. Письменнаяязыковая предвзятость лингвистики как научной отрасли / П. Линелл // *Studia linguistica cognitive*. Вып. II. Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Отв. ред. А.В. Кравченко. – Иркутск, 2008. – С. 153-191.
6. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – М. : URSS, 2008.
7. Adamzik K. *Textlinguistik* / K. Adamzik. – Tübingen, Niemeyer, 2004.

8. Ehlich K. Medium Sprache / K. Ehlich // Strohner H., Sichelschmidt L., Hielscher M (Hrsg.). Medium Sprache. – F/M, Lang, 1998.
9. Jäger L. (Hg.) Medialität und Mentalität. Theoretische und empirische Studien zum Verhältnis von Sprache, Subjektivität und Kognition / L. Jäger, E. Linz. – München, 2004.
10. Jäger L. Wieviel Sprache braucht der Geist? Mediale Konstitutionsbedingungen des Mentalen // L. Jäger, E. Linz (Hg.). Medialität und Mentalität. Theoretische und empirische Studien zum Verhältnis von Sprache, Subjektivität und Kognition. – München: Fink, 2004.
11. Koch P. (Hg.) Schrift, Medien, Kognition. Über die Exteriorität des Geistes / P. Koch, S. Krämer. – Tübingen, 1997.
12. Kress G., van Leenwen Th. Multimodal Discourse. The modes and media of contemporary communication / G. Kress, Th. van Leenwen. – London, 2001.

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого и скандинавских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

УДК 811.111:81' 37:159.955

ИНТЕРСЕМИОТИКА ПОЗИТИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ю.Ю. Шамаева (Харьков, Украина)

Ю.Ю. Шамаева. Интерсемиотика позитивно-эмоционального манипулирования в медийном пространстве американской политической коммуникации. Статья посвящена исследованию особенностей интерсемиотики комплекса лингвокогнитивных средств позитивно-эмоционального манипулятивного воздействия в американском политическом дискурсе печатных СМИ с точки зрения когнитивной лингвистики и эмотиологии. Специфика семиотической поликодности позитивно-эмоционального манипулирования в американской политической медиакommunikации выявляется на фонографическом, лексическом и грамматическом уровнях вербальной объективации категориального концепта ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ.

Ключевые слова: интерсемиотика коммуникации, концепт, манипулирование, политический медиадискурс, эмоция.

Ю.Ю. Шамаєва. Інтерсеміотика позитивно-емоційного маніпулювання у медійному просторі американської політичної комунікації. Стаття присвячена дослідженню особливостей інтерсеміотики комплексу лінгвокогнітивних засобів позитивно-емоційного маніпулятивного впливу в американському політичному дискурсі друкованих ЗМІ з точки зору когнітивної лінгвістики та емотіології. Специфіка семіотичної полікодності позитивно-емоційного маніпулювання в американській політичній медиакommunikacji виявляється на фонографічному, лексичному та граматичному рівнях вербальної об'єктивації категоріального концепту ПОЗИТИВНА ЕМОЦІЯ.

Ключові слова: емоція, інтерсеміотика комунікації, концепт, маніпулювання, політичний медиадискурс.

Yu.Yu. Shamayeva. Intersemiotics of positive-emotional manipulation in the media space of American political communication. The article focuses on researching the intersemiotic peculiarities of the complex of the linguocognitive ways a positive-emotional manipulative influence is realized in American political printed massmedia discourse from the point of view of cognitive linguistics and emotiology. The specific features of the positive-emotional manipulation semiotic polycode in American political

mediacommunication is revealed on the phonographical, lexical and grammatical levels of the verbal objectivization of the categorial concept POSITIVE EMOTION.

Key words: concept, emotion, intersemiotics of communication, manipulation, political mediadiscourse.

Целью настоящей статьи является выявление специфики интерсемиотики комплекса лингвокогнитивных инструментов позитивно-эмоционального манипулирования в медийном пространстве печатных СМИ американской политической коммуникации. Достижение данной цели предполагает реализацию следующих **задач**: определение теоретико-методологической базы изучения интерсемиотических особенностей лингвокогнитивного поликода позитивно-эмоционального манипулятивного воздействия в американском политическом медиадискурсе; анализ особенностей интерсемиотики позитивно-эмоционального манипулирования как феномена лингвокогнитивной природы, репрезентированной на фонографическом, лексическом и грамматическом уровнях вербализации категориального эмоционально-чувственного событийного концепта (ЭЧСК) ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ [Шамаева 2011], который и является **объектом** нашего исследования. **Предмет** работы составляет манипулятивный потенциал интерсемиотики языковой репрезентации категориального ЭЧСК ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ в медиaprостранстве печатных СМИ американской политической коммуникации.

Цель и задания работы обусловили выбор основных исследовательских **методов**, основными среди которых являются гипотетико-дедуктивный метод, концептуально-метафорический анализ медиаобъективации ЭЧСК ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ, элементы дискурс-анализа, концептуально-таксономический анализ вербальных инструментов позитивно-эмоционального манипулирования.

Материал исследования составляют 300 прямых и не прямых номинаций-репрезентантов ЭЧСК ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ, полученных методом сплошной выборки из американских газет 2008-2011 гг.

Современные лингвокогнитивные исследования, направленные на поиск коррелятов языковых единиц как в объективной реальности, так и в сознании языковой личности, и исходящие из того, что «в основе категорий лежат, в конечном счете, отражения и обобщения явлений объективного мира» [Степанов 1981: 36], все чаще ориентированы на изучение неизменно **актуальной** проблемы манипулирования/манипуляции «при условии целостного рассмотрения ситуации «восприятие – сознание – язык» с учетом взаимосвязи и взаимопричинности всех её составляющих» [Лаенко 2010: 93]. И это неудивительно, поскольку оценить эффективность манипулятивных приемов, без которых сейчас не обходится ни одно СМИ, ни один формат политической коммуникации, выявить природу психологических «ловушек» в медиатексте на всех стадиях его продуцирования и презентации, проанализировать существующие уровни манипулирования можно, лишь обратившись к

когнитивной лингвистике, с точки зрения которой манипуляция трактуется в терминах когнитивной деятельности как «процесс установления когнитивной значимости эмоционально-языкового выражения и его информативности» [Заботкина 2011: 71]. При этом качество манипуляции как «вида психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» (цит. Е.Л. Доценко по Г.А. Копниной [2010: 10]), задаваемого намерением автора в совокупности с используемой манипулятивной технологией, становится наиболее высоким при манипулятивном воздействии именно через язык, который непосредственно влияет на когнитивную и эмоционально-поведенческую деятельность адресата (О.Н. Быкова, Г.Я. Солганик, J. Sikora, W. Stadler и др.).

На сегодняшний день проблема целенаправленного манипулятивного воздействия при помощи языка, которое детерминируется концептуальным (пере)осмыслением действительности и потребностью, порождаемой совместной деятельностью людей, объективировать это осмысление, укрепляя его в языковом сознании себе подобных, является одной из ключевых в медиалингвистике, приобретая, на наш взгляд, статус коммуникативной стратегии медиациентричной культуры нашего времени, представляющей собою «текстопорождающую и смыслообразующую конфигурацию субъекта, объекта и адресата в рамках научного, художественного, религиозного, публицистического и других дискурсов, трактуемых как коммуникативные события (Т. ван Дейк)» [Анненкова 2010: 4]. Отметим также, что в рамках коммуникативного подхода сам дискурс, включая политический дискурс медиа, мы считаем «некой знаковой структурой, которую делают дискурсом ее субъект, объект, место, время, обстоятельства создания» [Леонтьева 2009].

С точки зрения семиотики, непосредственным предметом которой является «информационная система, т.е. система, несущая информацию» [Степанов 2001: 5], где в качестве элементарного ядра выступает система знаков [Мечковская 2004], язык современных СМИ может рассматриваться как бесконечная интерпретация культурных сем. Поскольку тексты СМИ (особенно политической медиакommunikации) представляют собою матрицу массово-коммуникационной культуры XXI века [Олешко 2011], формируя внутри- и межкультурные смыслоценностные установки этносемантических коллективов, можно говорить о том, что именно они являются источником неэпохи риторической культуры интерпретации готового слова (принимая во внимание протеистичный характер речетворческой деятельности автора-журналиста) [Анненкова 2010]. В этой связи общую коммуникационную установку СМИ на суггестию [Копнина 2010] можно охарактеризовать как риторико-манипулятивную модальность, заложенную в каждом медиальном тексте независимо от интерпретационных вариантов массовой аудитории, эмоционально-эмоциогенное измерение которой и создает «аргументативный комплекс политического медиадискурса как информационного, так и

аналитического характера» (*перевод мой – Ю.Ш.*) [Torell 2008: 79], изучение которого относится к приоритетным заданиям современной когнитологии [Копнина 2010; Михалёва 2009] и медиалингвистики [Желтухина 2009], что обуславливает **своевременность** нашей работы. Отметим, что при определении границ (медийного) политического дискурса мы, вслед за Е.И. Шейгал, включаем в него «как институциональные, так и неинституциональные формы коммуникации, если у них к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, содержание сообщения, адресат» [2000: 33]

Несмотря на то, что в лингвистических терминах манипуляция в политической коммуникации рассматривалась с разных точек зрения – как политический язык (А.Н. Баранов), как вид статусно-ориентированного общения (В.И. Карасик), как сфера преимущественного употребления определенных языковых форм и речевых приёмов (П. Серию), эмоциональный/эмоциогенный аспект манипулирования в среде медийного политического дискурса, непосредственно связанный с когницией этносемантической личности [Шаховский 2010] и формированием соответствующих концептуальных и категориальных структур в сознании экспериенцера, и на сегодняшний день остается изученным в недостаточной степени. В этой связи **актуальность** и **новизна** нашего исследования определяется его направленностью на комплексное решение проблемы потенциального интерсемиотического программирования когнитивно-эмоциональной реакции адресата при помощи вербальных и паравербальных средств как инструментов манипулятивного воздействия печатных СМИ американской политической коммуникации в фонографическом, лексическом и грамматическом измерениях с опорой на **теоретико-методологическую** базу когнитивной лингвистики, эмотиологии и субстанционально-интеракционной концепции коммуникации, что способствует распознаванию психотехнического эффекта речемыслительной коммуникации и является шагом вперед на пути к предотвращению речемыслительной агрессии и насилия.

Подчеркнем, что речемыслительную манипуляцию мы понимаем как разновидность когнитивно-лингвального воздействия используемого для имплицитного внедрения в психику адресата целей, желаний, установок, которые не (совсем) соответствуют тем, что есть у адресата на момент осуществления коммуникации. При этом под позитивно-эмоциональным речемыслительным манипулированием подразумеваются те частые случаи, когда скрытый потенциал языка эмоций используется адресантом для того, чтобы навязать адресату определенное представление о действительности, сформировать необходимое отношение к ней, вызвать необходимую адресанту позитивно-эмоциональную реакцию, при этом «позитивно-» в смысле такой реакции, которая является полезной адресанту через создание эффекта пользы для адресата. Иными словами результатом такого манипулирования оказывается необходимое адресанту в определенном контексте политической коммуникации «когито-семантическое состояние» (термин В.В. Бойко [2008])

как латентная характеристика экспериенцера-адресата, которая «с одной стороны связана с состоянием его психики (например – состояние опущений, восприятия, эмоций, аффектов, неустойчивость, транса), а с другой стороны – с установками культуры и сознания» [Тарасенко 2009: 158], ведь сам смысл является эмоциональным состоянием (там же).

Понимая целевое когито-семантическое состояние как структуру операционально замкнутого процесса лингвокогнитивной самореференции экспериенцера, изменение которой проявляется в эмоциях/аффектах, изменениях восприятия/ощущений, а также его интенций – установок, касающихся окружающей действительности и самого себя, главным инструментом позитивно-эмоционального манипулирования считаем любой вербальный/паравербальный информационный знак, который в определенном когнитивном/лингвистическом контексте может воздействовать на адресата необходимым образом, ведь «концептуальная система языковой личности фиксирует информацию, которая поступает в вербальной и паравербальной форме различными способами: от органов чувств, в результате осмысления, на основании интуиции бессознательных, эмоциональных процессов» [Потапенко 2010: 87].

Согласно М.Ю.Урнову, каждый действительно манипулятивный шаг с необходимостью базируется на активации определенной эмоциональной реакции адресата, что повышает эффективность манипулирования, а если лингвокогнитивное воздействие осуществляется путем активации эмоций именно позитивно-эмоционального спектра, манипулятивный потенциал высказывания увеличивается почти вдвое [Урнов 2008]. Тем более, что в механизме именно позитивных эмоций, активация которых является своеобразной гарантией успеха в контексте медиальной политической коммуникации, наиболее эффективно функционируют такие три главных звена, которые можно отождествить с известными в энергетике устройствами, как конденсатор (сохранение энергии эмоций), реостат (регулирование эмоционального напряжения) и трансформатор (способный усиливать энергию позитивных эмоций по законам индукции), «обеспечивая необходимую позитивно-эмоциональную реакцию адресата дополнительной энергией, которой обладают врожденные программы эмоционального поведения» [Бойко 2008: 36].

Результаты анализа эмпирического материала позволяют говорить о существовании интерсемиотики трех уровней реализации позитивно-эмоционального манипулирования в медийном пространстве американской политической коммуникации – фонографического, лексического и грамматического, понимание которой может служить способом информационной защиты от нежелательного либо чересчур интенсивного манипулятивного воздействия. Своеобразие семиотического континуума рассматриваемого дискурса заключается в том, что в своём основном объеме политическая коммуникация на страницах современных американских печатных

СМИ происходит многоканально, комплексно с использованием нескольких реальных (слух, оптика) либо виртуальных (воображаемых, ментально репрезентируемых) сенсорных модальностей, всех видов простых (пирсовские знаки-индексы (предметные), знаки-копии (эмоциональные), знаки-символы (понятийные)) и максимально разнообразных сложных знаков. При этом степень участия семиотического поликода в эмоциональной когниции адресата чрезвычайно высока как по причине её значимости для познания мира плана содержания семиотики и возможности, связанной с наличием уровня комбинирования знаков, создавать собственные знаковые последовательности и хранить их в памяти, так и ввиду участия эмоционально-стимулирующих знаков и знаковых последовательностей в процессах продуцирования нового знания.

Приведем несколько примеров. На фонографическом уровне манипулирование осуществляется при помощи специфического звукового и графического оформления сообщения. В политическом дискурсе СМИ фонетические манипулятивные инструменты концентрации позитивно-эмоционального смысла широко используются в устной речи, но аллитерация, рифмизация и ритмизация (*They didn't just pack their bags, they backed their hopes*) наряду с пунктуационно-метаграфическими способами, передающими интонацию, тембр голоса, темп говорения и паузацию (*And fellow Americans – Democrats, Republicans, Independents – I say to you tonight: we have more work to do*) оказываются функционирующими как в устной, так и в письменной политической медиакommunikации, способствуя созданию эмоционального эффекта доверия, патриотизма, теплоты и возвышенности. Интересным оказывается и тот факт, что ритмо-метрическая организация гимна США нередко реализуется в медийных фрагментах политического дискурса: *This time the States will have to act as we have done before...и America! America! God shed his grace on thee!*

Главенствующую роль в реализации лингво-когнитивного позитивно-эмоционального манипулирования в американском политическом медиадискурсе играют лексические способы объективации категориального ЭЧСК ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ, которые мы подразделяем на три группы:

1) лексико-семантические: а) квантификаторы: *I knew this hero. He was just one of so many*; б) метонимии: *...I'll be doing everything I can to make sure that John Kerry and John Edwards take our country back for the people who built it*; в) конверсивы: *We're not going to let those who disagree with us shout us down under a banner of false patriotism. We're not going to be proud to call ourselves Democrats, not just here in Boston. And we're going to be proud to call ourselves Democrats in Texas*; г) метафоры: *Through hard work and perseverance my father got a scholarship to study in a magical place; America which stood as a beacon of freedom and opportunity to so many who had come before*; д) гиперболы (*I stand here knowing that my story is part of the larger American history, that I owe a debt to all of those who came before me and that, in no other country on earth, is my story even possible. Tonight, we have gathered to affirm the greatness of our nation, not because of the height of our skyscrapers, or the power of our military, or the size of our economy*;

е) перифразы: *But they sense, deep in their bones, that with just a change in priorities, we can make sure that every child in America has a decent shot of life, and that the doors of opportunity remain open to all*; ж) слова-амёбы: *The American public opinion approves President Obama's handling the conflict*); з) софистицизмы: *Their agreement did not turn out to be the sine qua non of the ... future*;

2) лексико-синтаксические: а) синонимы: *Not long after, he and a co-worker discovered something unprecedented – a switch that channeled Internet traffic culled from millions of living rooms, bedrooms, kitchens and offices across the nation to secret room operated by the NSA. There, that information was collected and processed ostensibly for the purposes of defending the nation*; б) антонимы: *But if you believe that the Googles of the world can serve as a democratizing force and expand freedoms – after what we have seen in the wake of 9/11, with the sheer amount of information you have, we would be fools to not also believe the other side of that equation: That such power can also take those freedoms away*;

в) лексико-прагматические: а) дейктики: *Thank you. My friends, not far from here stands a building located at 611 Folsom Street in San Francisco*; б) эвфемизмы: *McCain said he's learned much about the intelligence agencies and how they interact now and in the run-up to the Iraq operation for WMD proliferation prevention*; в) дисфемизмы: *Yet even as we speak, there are those who are preparing to divide us, the spin masters and negative ad peddlers who embrace the politics of anything goes*); г) *The government could squander both money and personal freedom by trying to stamp out pornography. Or it could try the policy attributed to Oscar Wilde: «I have no objection to anyone's sex life as long as they don't practice it in the street and frighten the horses.» That would work fine, even in Utah.*

На грамматическом уровне среди наиболее часто употребляемых инструментов позитивно-эмоционального манипулирования в политическом дискурсе американских печатных СМИ отмечаем детерминированный контекстом выбор грамматической формы глагола, использование пассивного залога вместо активного, эллиптические конструкции (*I saw it in the 19-year-old from Alabama who had never been involved in politics before he got in his car and drove up to Vermont, because he didn't feel like he was being heard in Washington*), инверсии (*Never again will we be ashamed to call ourselves Democrats*), обособления (*You are digitally scanning every book in the world – 32 million – to create the first universal digital library*), параллельные конструкции (*It further exacerbates a corrosive culture on the right that now celebrates the Cult of Idiocy – from Glenn Beck to Michele Bachmann – where riling liberals is more valuable than reason and logic, and where intellectualism and even basic learnedness are viewed with suspicion and contempt. It further advances the campaign of the rich and powerful in America to exploit the fears of those who feel most fragile in an effort to increase or insulate their fortunes. It further enshrines the destructive pop culture dogma that fame and fortune grant moral wiggle room to flout the rules and obscure the truth. And, yes, it further plays to the heavy racial undertones that have marked this presidency.*

Таким образом, знаки фонографического, лексического и грамматического измерений как способы языковой репрезентации категориального ЭЧСК ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ, оказывающегося когнитивно и эмоционально сопряженным с такими ключевыми концептами медийного пространства американской политической коммуникации, как FREEDOM, DEMOCRACY, SUCCESS, JUSTICE, PATRIOTISM, OPTIMISM, TERRORISM/TERROR, POLITICAL CORRECTNESS, образуют сложный семиотический континуум позитивно-эмоционального манипулирования в рамках данного вида коммуникации. Интерсемиотика этого континуума проявляется в корреляциях семиотик разных классов, и, как следствие, в образовании таких семиотических гибридов, как вербальные и паравербальные/парамузыкальные составляющие, субстрат естественного языка в используемых терминологиях, номенклатурах, деловая/игровая семиотика (метафоризация, эвфемизация и т. п.), художественно-культурная семиотика, обусловленная рефлектирующей инстанцией сознания журналиста/издания (проявляющейся в дискурсивных операторах/операциях), семиотика гипертекста (цитации, клише и т.п.).

Перспективу нашей работы составляет дальнейшее, более детальное сравнительное исследование эвристического потенциала интерсемиотики эмоционального манипулирования в американском, французском и украинском/российском медийных пространствах политической коммуникации как коллективной рефлексии с точки зрения лингвокогнитивной эмотиологии, лингвокультурологии и лингвосинергетики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова И.В. Риторика как универсальная основа описания медиадискурса / И.В. Анненкова // *Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах* : доклады Междунар. науч. конф. – М. : Фак-т журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2010. – С. 3-6.
2. Бойко В.В. Психознергетика / В.В. Бойко. – СПб. : Питер, 2008. – 416 с.
3. Желтухина М.Р. Суггестивное моделирование в пределах двух фреймов / М.Р. Желтухина // *Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой*. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 793-805.
4. Заботкина В.И. Роль прайминга в идентификации значения многозначного слова / В.И. Заботкина // *Когнитивные исследования языка. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. тр.* – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Изд. дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2011. – С. 70-77.
5. Копнина Г.А. Речевое манипулирование / Г.А. Копнина. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 170 с.
6. Лаенко Л.В. Восприятие – сознание – язык: онтология и гносеология взаимосвязи / Л.В. Лаенко // *Non multum, sed multa: Немного о многом*.

У когнитивных истоков современной терминологии : сб. науч. трудов в честь В.Ф. Новодрановой. – М. : Авторская академия, 2010. – С. 92-103.

7. Леонтьева Е.Ю. Философия, культура, религия. Рациональность и «дискурс» (к постановке проблемы) [Электронный ресурс] / Е.Ю. Леонтьева. – 2009. – Режим доступа : <http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=2800039>.
8. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура / Н.Б. Мечковская. – М. : Изд. центр «Академия», 2004. – 432 с.
9. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалёва. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
10. Олешко В.Ф. Профессиональная культура журналиста: дискурс глобализационного подхода / В.Ф. Олешко // Журналистика в 2010 году: СМИ в публичной сфере : сборник материалов Междунар. науч-практ. конф. – М. : Фак-т журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011. – С. 72-74.
11. Потапенко О.І. Лінгвоконцептологія / О.І. Потапенко. – К. : Освіта України, 2010. – 336 с.
12. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
13. Степанов Ю.С. Вводная статья. В мире семиотики / Ю.С. Степанов // Семиотика: Антология. – М. : Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 5-42.
14. Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания / В.В. Тарасенко. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
15. Урнов М.Ю. Эмоции в политическом поведении / М.Ю. Урнов. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 240 с.
16. Шамаева Ю.Ю. Концептуальная основа языка эмоций как знания матричного формата / Ю.Ю. Шамаева // Вісник ХНУ імені В.Н.Каразіна. Серія «Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов». – 2011. – № 954. – С. 107-114.
17. Шаховский В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.
18. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса : монография / Е.И. Шейгал. – М.; Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.
19. Torell M. Presence and argument in media-based virtual environments / M.Torell. – San-Francisco : Jossey-Bass, 2008. – 120 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Chicago Tribune [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.chicagotribune.com>.

2. New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nytimes.com>.
3. Washington Post [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.washingtonpost.com>.
4. Newsweek [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.newsweek.com>.
5. Time [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.time.com/time/>

Юлия Юрьевна Шамаева, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: shamaeva-25@yandex.ua

УДК 811.111'42

СТАТУС ЛАКУН В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ С.А. Швачко (Сумы, Украина)

С.А. Швачко. Статус лакун в языке и речи. В статье сделана попытка обозначить направления исследования категории лакунарности, её адгерентных понятий – эллипсиса, импликации, коммуникативного молчания.

Ключевые слова: лакуна, импликация, эллипсис, молчание, элиминация, делакунизация.

С.О. Швачко. Статус лакунарності у мові та мовленні. У статті зроблено спробу накреслити напрямки дослідження категорій лакунарності, її адгерентних понять – еліпсису, імплікації, та комунікативного мовчання.

Ключові слова: лакуна, імплікація, еліпсис, мовчання, елімінація, делакунізація.

S.A. Shvachko. Language and Speech Lacunas. The article in question deals with the major categories of lacuna, its adherent notions – ellipsis, implication, silence.

Key words: lacuna, implication, ellipsis, silence, elimination, delacunization.

Метазнак «лакуна» (лат. *lacuna* «пропуск», «пустое место») имеет междисциплинарный характер. Как объект исследования ЛАКУНА рассматривается в парадигме адгерентных понятий (предмет исследования) [Быкова 1998; Лакуны в языке и речи 2003]. **Актуальность темы** объективируется интенсивным интересом современных лингвистов к системно-функциональным вопросам исследования [Шевченко 2008], экстериоризации речевых процессов, моделирования парадигм лакунологии, распознаванию отсутствующих компонентов поверхностных и глубинных структур, текстовых пустот, нелексикализованных концептов. Материалом анализа являются аутентичные выборки из лексикографических источников, а также – результаты поисков отечественных и зарубежных ученых по релевантным проблемам. Новизна работы об означена темой статьи.

В переводческой практике весьма актуальной является проблема распознавания лакун – их осмысления, семантизации, оязыковлениа. Изучение денотатов имплицитных зон (пустых клеток) относится к перспективным векторам познания, когнитивного и дидактического комментирования в сфере межъязыковой и межкультурной коммуникации. Имплицитность как речевая лакуна не регистрируется в словарях. Латентная информация маркируется поверхностными индикаторами типа англ. *in a nutshell, summing it up, i.e., that*

is; укр. *не знаю, коротше, не тяни, в двох словах, так сказати, послухай, що люди кажуть, сказав «а», скажи «б»*; русс. *не знаю как сказать, то есть, короче, послушай* и т.д. Имплицированными являются также ответы к загадкам. Ср. англ. *What has six legs and flies? – Three birds. What surrounds the British Isles? – Letter C* (ср. *sea more*); русс. *От чего утка плывет? – От берега. Без окон, без дверей, полна горница людей. – Тыква*. Или замечания типа укр. *хитрить, не все каже, неясно говорить, щось приховує*. Подсказка препарируется интеракцией коммуникантов, топиками их общения; диада адресант – адресат срабатывает в конкретной ситуации, режиме. Экстериоризаторы лакун представлены вербальными и невербальными средствами, конситуациями с релевантными, ингерентными каждому языку структурами [Солощук 2006; Анохіна 2008]. Появление лакун объективируется законом экономии, эллиптическими структурами, адгерентными импликатурами. Традиционными, легализованными являются эллиптические структуры, с одной стороны, и аббревиации, акронимы, свернутые фразы, с другой стороны. Ср.: укр. *два кольори, мої два кольори, червоне – то любов, а чорне – то журба; США ← Сполучені Штати Америки*; англ. *USA ← Uncle Sam; fruice ← fruit and juice; as ← all so; alone ← all but one*. Импликация срабатывает на глубинном уровне, при домысливании латентного, скрытого текста. Ср.: русс. *Что делать?; Что скажет Марья Алексеевна?; А судьи кто?*; укр. *Хіба ревуть воли, як ясла повні?*; англ. *To be or not to be; What will Mrs Grundy say?; Will you come into my parlour? said the spider to the fly*.

Делакунизации информативных пустот способствует не только мегатекст, но также и малый синтаксис (сложные слова, словосочетания). Ср. англ. *all day round service but now*. В выражениях типа англ. *bus station, station bus* семы локальности и принадлежности маркируются линейной последовательностью, сукцессивностью. Семантические лакуны на вертикальном срезе требуют особую параметризацию, ссылки на когнитивный опыт, комплексную идентификацию, экстериоризацию. Латентные смыслы порождаются внутритекстовыми отношениями; действенным оказывается эффект умолчания, неоконченного предложения. Имплицируемый (иногда рематический) компонент ассоциирует с глубинными структурами объектов исследования, а также – с ингерентными авторскими смыслами. Импликатуры свидетельствуют об эмоционально-психическом состоянии коммуникантов (англ. *attention span, linguistic shock*), интенцией последних является материализовать скрытые мысли, или, наоборот, сбересть список латентных денотатов.

Адгерентным, смежным представляется понятие прерванной речи, умолчания, генерируемое внешними факторами. Импликация как категория речевой лакунарности распознается при помощи дискурсивного анализа, корреляции экспликации и элиминации [Безугла 2007; Загнітко 2001]. Лакуны сохраняют диахроническую память, напоминают о канонизированных табу в языковых системах, о когнитивных базах структур типа англ. *stone wall*, или: вежливых фраз англ. *how do you do, good-bye, good luck*, укр. *на добраніч, з*

Богом, до побачення; аккумулярованных предостережений типа англ. after dinner sleep a while..., don't trouble trouble, etc.; укр. застав дурного Богу молитися..., після дощук...

Лакуны как структуры с латентной семантикой, информатемы «в квадрате» осмысливаются комплексно, посредством комплементарного, прагматико-семантического подхода к указанным семиотическим знакам [Быкова 1998; Лакуны в языке и речи 2003]. Источником делакунизации является идентификация невербализованных пустых клеток поверхностной структуры, анализ antecedентов, когнитивного опыта носителей языка. Лакуны в когнитивистике классифицируются как узуальные, канонизированные, зарегистрированные в лексикографических источниках, с одной стороны, и с другой стороны – как речевые, окказиональные, ситуативные, имплицитивные. К речевым относится лакуна молчания – силенциальный эффект [Белова 1997]. Лакунарность как «категория отсутствия» имеет в научной парадигме целую группу метазнаков. Ср. рус.: *культурема, эллипсис, риторический вопрос, сворачивание фразы, умолчание, гендерная опустошенность, имплицитность, ксенонимы, лакуна памяти, лакуна слова, этнографическая лакуна, невербалика, графическая инконгруэнтность.*

Слова и языки не исчезают бесследно. Они живут в историях, в сагах – сказаниях, звездном сиянии мифологем [Кобяков 2009; Сомов 1996]. Некоторые этюды из их жизни превращаются в информационные лакуны, а делакунизация последних приносит эвристическое наслаждение, воскресение исторической памяти, а также помогает осмыслить проблемы современного и будущего. Актуальность темы мотивируется интересом ученых к забытым словам, к глубинным структурам номинативных и коммуникативных единиц, а также – культуре. Валоративным при этом становится вопрос таксономии лакун, семантической девиации лингвистических знаков, их пробуждение к процессам осмысления позабытого, латентного, энигматического. Лакуны – это не совсем пустоты, это свидетели звездного дождя на лингвистическом небосводе.

Межъязыковые и межкультурные лакуны комментируются в исследованиях ученых на базе аутентичных источников в процессе воскрешения «диахронических этюдов». Моделирование парадигм лакунарности, ее гетерогенной представленности препарирует возобновление исторической памяти, забытых вех становления языковых систем. Слова как и люди приходят и уходят (англ. *people come and go*). Традиции и обычаи остаются, живут в культурах, напоминают о своем статусе в социумах. Универсальное бытие культурем представлено разнообразно в лексикографическом корпусе [Быкова 1998; Сомов 1996]. Наличие словарей «забытых слов» из области фантастики, ирреального мира объективирует существование лакун в разных концептосферах [The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms 1996]. Полилексемные конструкции вербализуют речевые лакуны, свидетельствуя тем самым об отсутствии однословных обозначений.

Ср. процесс словосложных номинаций или лексикализованных словосочетаний. Для разгадки феномена межъязыковой конгруэнтности значимой представляется гиперо-гипонимическая эквивалентность. Ср. англ. *arm – hand*, и русс. *рука*. Делакунизация происходит в процессе интерлингвального анализа, маркирования конгруэнтности посредством вербальных компенсаторов. Дежурные межкультурные лакуны представляют ценный дидактический материал для глубокого изучения субкультур носителей корелируемых языков. Внутряязыковая лакунарность проявляется при изучении семантической девиации синонимов, антонимов, омонимов, а также словосочетаний – в поисках забытых этимологических истоков. Богатый материал предоставляют фразеологические единицы, мультипликативно обозначающие мотивируемые денотаты. Ср. англ. *to fish in the air* «переливать из пустого в порожнее», *to mark with a T* «обозначать вора инициальной буквой», *uncle Sam* «дядя Сем», *a fair weather friend* «ненадежный друг» [Кунин 1956].

Золотая осень семантической девиации – это вечный двигатель, посредством которого позабытое превращается в неогенное, а вторичные секундарные конструкции – в цветастый ковер листопада. Творческий поиск осуществляется, таким образом, в процессах делакунизации, создании глоссариев, словарей и диалектов, скрытых межкультурных соответствий, комментариев. Изучение категории отсутствия порождает циклы историй и сказаний о словах и их парадигмах. Известно, что в каждом языке стабильно происходят процессы отмирания и рождения слов. Забытые слова сохраняются в трактатах этимологов, в аутентичных словарях (последние, по словам Вольтера, представляют «мир в алфавите»), которые, эксплицируя латентность языковых единиц, снимают их загадочность, энигматичность.

В лакунологии обособились проблемные диады типа *лакунарность :: язык*, *лакунарность :: речь*, *лакунарность :: лексикография*, *лакунарность :: речевые жанры*, *лакунарность :: мышление*, *лакунарность :: культура*, *лакунарность :: дефиниция*, *лакунарность :: гендер*, *лакунарность :: графика*, *лакунарность :: композиция* и т.д. Рабочими в теории лакунологии являются метазнаки: *нереализованные единицы*, *незаполненные клетки*, *идиоэтнические разновидности*, *ситуативные лакуны*, *делакунизация*, *латентные конструкции*, *категория отсутствия*, *невербализованные пустоты*, *лексикографические лакуны*, *импликации*, *гендерная лакунизация*, *композиционные лакуны*, *прецедентология*, *интерлакунарность*, *интралакунарность*, *лакунарная картотека*, *типология межъязыковых лакун*, *контаминация лакун*, *межкультурные лакуны*, *лексические лакуны*, *грамматические лакуны*, *фонетические лакуны*.

Приоритетными в современной лингвистике являются вопросы контактирования и взаимодействия социумов, перспективными – исследования категории отсутствия, эллипсиса, импликации и силенциального эффекта с целью идентификации компонентов коммуникативного общения.

Лакунарность в научных исследованиях представлена в основном как межъязыковая. Замечания о внутриязыковых лакунарных группах носят характер предварительного размышления. Лакунарность оязыковляется в оценочных фразах, при этом не всегда положительно, с оттенком сожаления об имплицуемом денотате. Ср. русс. *Лакуна разума, юмора, здоровья, знания, искренности, слов, мыслей, внимания, заботы, любви, друзей, счастья, веселья и т.д.* Отсутствие денотатов маркируется посредством аффиксов (ср. англ. *fearless, hopeless, unimportant, unnecessary, handless*); аффиксы отмечены наличием семы негативности.

Адгерентность категорий отсутствия и отрицания представляет в перспективе большой интерес для живой грамматики. Диадический стык антонимов семантизирует взаимную лакунарность. Ср.: русс. *холод «нет жары» :: жара «нет холода», хороший «неплохой» :: плохой «нехороший»*; англ. *beautiful :: unbeautiful, readable :: unreadable*. В языке существует полевая парадигма лакунарности, компоненты которой представлены на разных (морфемном, лексическом, грамматическом и фразеологическом) уровнях. Сема лакунарности, например, представлена лакунарно в предложении русс. *Свято место пусто не бывает*. Лексически слово *пусто* соотносится с полем лакунарности. Но на глубинном уровне данное изречение семантизирует пустоту, которая быстротечно заполняется. Лакунизированность маркируется в стилистических приемах антитезы, противопоставления типа англ. *I love not man the less, but nature more* (семантизируется здесь скалярная лакуна любви по отношению к человеку). Или: русс. *Его глаза не лгут, они правдиво говорят, что их хозяин плут* (имеет место лакуна искренности, правдолюбия). Латентная инконгруэнтность иносказательно выражается на поэтических просторах семами «быть» :: «не быть», «там» :: «здесь», «иметь место» :: «не иметь место». Например, англ. *someone loves and someone cares, someone sings and someone hears, someone comes and someone goes*. По-особому диадическая лакунарность представлена в иронических текстах, в которых противоположность, имплицитность, небуквальность выражается двусмысленно и нуждается в делакунизации. Ср. англ. *The more we know – the more we forget, the more we forget – the less we know. What is the use of study?*

Выражения типа «в никуда» не являются пустыми, их ингерентность состоит в реализации непрактичности, принадлежности к смеховой культуре. Ср. укр. *на городі бузина, а в Києві – дядько, Василь бабі – в сьомих сестрах*. Семантизация бессмысленности (англ. *neither here nor there*) является прозрачной и осуществляется на фоне содержательных (соседних или дистантных) информативных единиц языка или речи. Ср. англ. *to miss a mile, to build castles in the air, to hitch a wagon to the star, to make an elephant out of the mole*.

В домене паремий выделяется целый ряд единиц коррелирующих с силенциальной лакуной. Ср.: русс. *лучше молчи, когда нечего сказать; больше дела меньше слов*; англ. *little said – better done; great talkers are little doers; much*

ado about nothing; speech is silver – silence is gold; first think then say. Сема отсутствия чего-то, наличие пустоты актуализируется в пословицах типа укр. *бідному женитися ніч мала* (лакуна времени), *погано на серці – лікуйтесь гумором* (лакуна хорошего настроения), *п'яному – море по коліно* (лакуна трезвости), *старість – не радість* (лакуна молодости).

Тема лакунарности используется в дидактическом материале при поиске ответов на поставленные вопросы, при создании смеховых дискурсов, в играх КВН, викторине «Что? Где? Когда?». Задания этих дискурсов нацелены на развитие творческих успехов, хорошего слога, релаксации, креативного шарма. Ср. русс. *Какая речка состоит из префикса и числительного? – Припять; Какой город летает? – Орел; Какой полуостров жалуется на свой размер? – Ямал. Какие местоимения «чистые», а какие «опасные»? – соответственно : вы, мы, ты, я, мы.* Интересной представляется этимологизация слова *quiz*. Написанные наугад четыре буквы *q, u, i, z* на стенах Лондона вызвали недоумение у прохожих, которые переспрашивали: «Что это такое?». Этот вопрос семантизирует значение *quiz* «викторина», «вопросник».

Лакунарность – это не только импликация или молчание, это и то и другое, это – секундарные модификации исходных единиц, это – превращение серьезного в несерьезное, семантического в асемантическое, неадекватное толкование, это – несуразницы народной этимологии. Ср. народные толкования типа русс. *куратор – петух, мельница – жена мельника, графин – муж графини, ошалеть – купить шаль, ухарь – любитель рыбных супов.*

Семантические пустоты номинативных и коммуникативных единиц все больше привлекают внимание лингвистов, исследующих проблемы инконгруэнтности, амбивалентности, энигматичности [Самохіна 2008].

Наличие в языке и речи полиаспектных лакун объективирует мотивацию исследования релевантных вопросов, их материализации и идентификации. Лакуны имеют отношения к вербальному и невербальному общению, которое неравноценно представлено в теории коммуникации [Солощук 2006]. Теоретически весомыми остаются проблемы фиксации и экспликации непрозрачности, несоответствий как в рамках одной общности, так и за ее пределами. Валоративными, актуальными остаются вопросы статуса культурологических и языкологических лакун. Создание грамматик ситуативных маркеров антропоцентрического поведения было бы ценным дополнением к традиционным грамматикам, базой семиотики невербального поведения на интралингвальных и экстралингвальных векторах. Прагматический аспект лакунологии коррелирует с проблемами инконгруэнтности образов мира, социотипического поведения, носителей разноязычных дискурсов, а также межкультурной и межъязыковой деятельности. Создание словарей с пометкой «лакунирование» препарирует действенность симбиоза семиотического комплекса того, что общество делает и что оно думает об этом, наличие диады природных и отприродных структур,

артефактов – ментафактов, сотворение вторичных, третичных конструкций социотипических и психических соматических образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохіна Т.О. Семантизація категорії мовчання в англomовному художньому дискурсі / Т.О. Анохіна. – Вінниця : Нова книга, 2008. – 160 с.
2. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі : монографія / Л.Р. Безугла. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2007. – 332 с.
3. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации / А.Д. Белова. – К. : Київ. нац. ун-т імені Тараса Шевченка, 1997. – 307 с.
4. Быкова Г.В. Феноменология лексической лакурности русского языка [Текст] / Г.В. Быкова. – Благовещенск, 1998. – 107 с.
5. Загнітко А.П. Теоретична граматика української мови. Синтаксис / А.П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2001. – 662 с.
6. Кобяков О. Вступ до метафізики [Текст] / О. Кобяков. – Суми : СумДУ, 2009. – 175 с.
7. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – Москва : Госизд. иностр. и нац. словарей, 1956. – 1455 с.
8. Лакуны в языке и речи [Текст] // Научный журнал. – Благовещенск, 2003. – 257 с.
9. Сомов В.П. Словарь русских забытых слов [Текст] / В.П. Сомов. – М. : Гуманит : Владос, 1996. – 764 с.
10. Самохина В.А. Современная англоязычная шутка : монография / В.А. Самохина. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2008. – 356 с.
11. Солощук Л.В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англomовному дискурсі : монографія. – Х. : Константа, 2006. – 300 с.
12. Шевченко И.С. Основы теории языковой коммуникации : учеб.пособие / И.С. Шевченко. – Х. : Изд-во НУА, 2008. – 168 с.
13. The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms / Chris Baldick. – Oxford – New York : Oxford University Press, 1996. – 246 p.

Светлана Алексеевна Швачко, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедры теории и практики перевода Сумского государственного университета; e-mail: shvachko.07@mail.ru

РЕДАКТОРЫ

Ирина Семеновна Шевченко, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ishev7@gmail.com

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: vladimir_karasik@mail.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алла Дмитриевна Белова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; www.philolog.univ.kiev.ua

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Владислав Иванович Говердовский, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: germphil@univer.kharkov.ua

Светлана Анатольевна Жаботинская, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: saz9@ukr.net

Евгения Анатольевна Карпиловская, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом структурно-математической лингвистики Института украинского языка Национальной академии наук Украины; e-mail: karpilovska@gmail.com

Герхард Коллер, доктор, директор лингвистического центра, университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия; e-mail: Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de

Геннадий Николаевич Манаенко, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией "Личность. Информация. Дискурс" ("ЛИД"); e-mail: manaenko@list.ru

Алла Петровна Мартынюк, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: allamart@list.ru

Морин С. Миниелли, доктор филологии, Кингсборо колледж университета г. Нью-Йорк; e-mail: maureen.minielli@verizon.net

Лев Михайлович Минкин, доктор филологических наук, профессор кафедры делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: lev.minkin@gmail.com

София Ахметовна Моисеева, доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Белгородского государственного университета, Россия; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Елена Ивановна Морозова, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: elena.i.morozova@gmail.com

Валентина Григорьевна Пасынок, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики и практики английского языка, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: inyaz@univer.kharkov.ua

Лидия Сергеевна Пихтовникова, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: germphil@univer.kharkov.ua

Анатолий Николаевич Приходько, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Запорожского юридического института Днепропетровского государственного университета внутренних дел; e-mail: aprykhod@rambler.ru

Елена Александровна Селиванова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: oselivanova@ukr.net

Геннадий Геннадьевич Слышкин, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Волгоградского филиала Российского государственного торгово-экономического университета; e-mail: ggsl@yandex.ru

Людмила Васильевна Солощук, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: lsolo@ukr.net

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого и скандинавских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Евгения Валериевна Бондаренко, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ybond7@gmail.com

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы принимаются в объеме не менее 10 страниц текста в текстовом редакторе Microsoft Word, версия 6.0 и выше, шрифт Times New Roman Сур, размер шрифта 14, интервал 1. Текст форматируется по ширине. Отступ для абзаца 1,25 см, поля: слева – 3 см., справа – 1 см., сверху и внизу – 2,5 см. В левом углу указывается УДК. По центру заглавными буквами жирным шрифтом пишется название статьи. На следующей строке по центру указываются сначала инициалы, затем фамилия автора, в скобках пишется город, страна; например:

ПРОБЛЕМА ВТОРИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ

Н.И. Иванова (Киев, Украина)

2. В начале каждой статьи ВАК Украины рекомендует указывать актуальность, объект и предмет, цель и материал статьи. Приветствуется структурирование статьи на подразделы (нумерованные), названия которых печатаются с отступом строки от предыдущего текста и выделяются жирным шрифтом.

3. Примеры и их перевод выделяются *курсивом*, нужное подчеркивается. Подразделы, важнейшие понятия даются жирным шрифтом; авторы могут использовать подчеркивание. Растяжка шрифта, постраничные сноски в электронных изданиях не допускаются. При необходимости возможны примечания после текста статьи перед списком литературы.

4. Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках по образцу [Арутюнова 1976: 15; Гумбольдт 1985: 373]. Библиография оформляется по требованиям ВАК Украины. После слова **ЛИТЕРАТУРА** (заглавными буквами жирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится нумерованный алфавитный список. Тире и дефис различаются. В случае цитирования работ одного автора, изданных в один год, после года ставится буква (2001a; 2001b).
Пример:

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Карпова Е.В. Стратегии вежливости в современном английском языке (на материале малоформатных текстов) : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Е.В. Карпова. – СПб, 2002. – 17 с.
3. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова – М. : АСТ: „Восток – Запад“, 2007. – 314 с.

5. После списка литературы подается информация о месте работы (полное название), степени и звании, приводится электронный адрес, который автор желает указать для читателей журнала.

6. Все статьи проходят анонимное рецензирование. Авторам могут быть предложены изменения, которые желательно внести в течение месяца.

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Міжнародний електронний збірник наукових праць. 2012, № 4

Напрямок “Філологія”

Російською, англійською, німецькою мовами

Випускаючий редактор

В.Є. Чернявська

Комп’ютерне верстання

Л.П. Зябченко

Комп’ютерна підтримка сайту

В.О. Шевченко
